

СВЯТЫЙ ОГОНЬ

ИСХОДЯЩИЙ

ОТЪ ГРОБА ГОСПОДА БОГА

И

СПАСА НАШЕГО

ИИСУСА ХРИСТА,

ВЪ

ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ

ВЪ ИЕРУСАЛИМѢ

по сказаніямъ

ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

Ф. М. А.

Б л а г о д а т ь

И

Благословеніе Святаго Града Іерусалима.

1893.

Отъ Московскаго Духовнаго Ценсурнаго Комитета печатать
дозволяется. Москва, 16 Марта 1887 года.

Цензоръ священникъ *Юаннъ Петропавловскій*.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Путешествующіе въ Іерусалимъ (паломники) съ древнихъ временъ и до нынѣ единогласно утверждаютъ, что въ Великую Субботу является святыи Огонь на Гробѣ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Тысячи богомольцевъ ежегодно стекающихся со всѣхъ странъ міра, изъ всѣхъ народовъ и всѣхъ исповеданій христіанскихъ, и многихъ даже не христіанскихъ-спѣшатъ, съ древнихъ временъ и до сихъ поръ, въ Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню, именно ко дню Великой Субботы. Въ этотъ день, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, ежегодно совершается издревле (искони) и до нынѣ, явленіе невестественнаго Огня на Гробѣ Гос-

пода Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Сына Божія въ 8 часовъ, по нашему въ 2 ч. по полудни.

Еще въ Пятницу Турки, въ владѣніи которыхъ находится Іерусалимъ и Храмъ Гроба Господня, гасятъ вездѣ огни въ храмѣ, (а въ древности даже и во всемъ Іерусалимѣ, даже и у Турокъ), и двери Гроба Господня запираютъ и запечатываютъ турецкою печатью, а Митрополитъ въ самый день схождения Огня подвергается публичному обыску всенародно, чрезъ турецкихъ начальниковъ, въ присутствіи многочисленной турецкой стражи, и за тѣмъ уже въ сопровожденіи той же стражи и начальниковъ и въ присутствіи христіанъ всѣхъ исповѣданій и невѣрныхъ, переоблаченный и обысканный публично входитъ въ вертепъ Гроба Господня (въ кувуклю) съ которой Турки снимаютъ въ это время печать.

Древнѣйшія свѣдѣнія о святомъ Огнѣ, по удостовѣренію Архимандрита Леонида (печатавшаго свои записки въ Душеполезномъ Читаніи 1863 г. № 2, 3 и 4, подъ именемъ Инока Паломника), восходятъ къ глубокой древности.

Греческіе писатели, упоминавшіе о семъ явленіи, въ доказательство глубокой древности—ссылаются на писанія отцевъ церкви: Григорія Нисскаго и Іоанна Дамаскина, которые, какъ извѣстно, сами были на Іерусалимѣ. Первый изъ нихъ во второмъ словѣ о воскресеніи—пишетъ: „Сія видѣвъ, Петръ »вѣриль, видѣль же не токмо чувственными »очима, но и высокимъ апостольскимъ умомъ: »*Исполненъ убо былъ гробъ свѣта*, такъ-что »хотя и ночь была, однако двѣма образы видѣль внутренняя чувственно и душевно“.—Второй же, въ своихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, нерѣдко упоминаетъ о свѣтѣ, чудесно облиставшемъ на святомъ Гробѣ. Такъ, на-примѣръ: „Скорый Петръ предста ко гробу, »и свѣтъ зря во гробѣ, ужасашеся“ *).

Изъ западныхъ же писателей, въ пользу непререкаемой древности явленія св. Огня, А. С. Норовъ указываетъ на латинскаго монаха Бернарда, писавшаго въ IX столѣтіи—и Баронія. „Въ Великую Субботу, — пишетъ »Бернардъ, — наканунѣ Пасхи, на утреннемъ »церковномъ служеніи, во храмѣ Гроба Гос-

*) Октоихъ 1 воскресный съдальнъ. 8 глава.

) подня, по пропѣтіи: „Куріе элейсонъ“ (Гос-
 » поди помилуй!) „Ангель нисходитъ, и возжи-
 » гаетъ лампы, висящія надъ Гробомъ Гос-
 » поднимъ. Патріархъ передаетъ этотъ огонь
) епископу и наконецъ всему народу, дабы
 » всякій могъ засвѣтить этотъ огонь въ своемъ
 » домѣ. Нынѣшняго патріарха зовутъ Теоодо-
 » сіемъ (863—879); онъ призванъ на это мѣ-
 » сто за свое благочестіе“*). Папа Урбанъ II,
 на крестовомъ соборѣ въ Клармонтѣ, въ своей
 рѣчи къ собранному предъ нимъ безчислен-
 ному множеству народа, провозгласилъ, между
 прочимъ, слѣдующее: „Поистинѣ, въ этомъ
 » храмѣ (Гроба Господня) опочиваетъ Богъ:
 » въ этомъ храмѣ онъ за насъ умеръ и былъ
 » погребенъ. Доселѣ не престааетъ Онъ тамъ
 » являть Свой чудеса, ибо во дни Святыхъ
 » Страстей Своихъ, когда всѣ огни погашены
 » надъ гробомъ Его и во храмѣ, внезапно, по-
 » гашенныя лампы возгораются. Чье серд-
 » це, сколько бы оно ни было окаменѣлымъ,
 » не смягчится такимъ явленіемъ“ **).—Лѣто-
 писецъ римской церкви Бароній свидѣтель-

*) MABILLON. ACTA SANCTA T. III. P. II. P. 473.

**) BALDRICUS, IN GESTA DEI PER FRANCOS. P. 87.

ствуеть, что, „западныя христіане, по взятіи
 » Іерусалима отъ Сарацинъ, видѣша чудо, егда
 » въ Великую Субботу у Гроба Господня свѣщи
 » сами зажигахуся. Чудо же сіе быше тамо
 » обыкновенно“ (Бароній, листъ 1304 на
 оборотѣ),

Изъ православныхъ писателей, греческихъ,
 писалъ о Святомъ Огнѣ позднѣе Патріархъ
 Нектарій, на его свидѣтельство встрѣчается
 ссылка у Арсенія Суханова въ его *Проски-
 нитаріи* (въ 17 тетради).

Свидѣтельство же нашихъ благочестивыхъ
 паломниковъ писателей здѣсь излагаются;
 самое древнѣйшее изъ нихъ принадлежитъ
 игумену Даніилу, посѣтившему Іерусалимъ
 (1093—1112 г.), при Великомъ Князѣ Кіев-
 скомъ Святополкѣ Изяславичѣ.

Въ это время, вскорѣ послѣ Крестовыхъ
 походовъ, въ Іерусалимѣ царствовалъ король
 Балдуинъ I, католикъ. Изъ описанія Даніила
 мы видимъ, что Балдуинъ I присутствовалъ
 при явленіи святаго огня и принималъ отъ
 епископа свѣчу, епископъ же былъ право-
 славный, а не католикъ, не смотря на то, что
 самъ Балдуинъ I былъ католикъ и Іерусалимъ
 былъ завоеванъ крестоносцами-католиками и

принадлежать папскому престолу. Вѣроятно были опыты, что католическимъ епископамъ не сходилъ святой огонь, потому и предоставлено было это право православнымъ. И до нынѣ, мы видимъ изъ словъ Митрополита Мелетія, Намѣстника Патріаршаго престола въ Іерусалимѣ, что и онъ иногда, входя въ кувуклію (гробницу) не видитъ огня долго. (Путешествіе Варвары Брюнъ де Сентъ Ипполитъ, смотри ниже). Армяне и Копты, съ древнихъ временъ, принимаютъ участіе въ торжествѣ и вѣрують въ чудодѣйственное происхожденіе Огня. Здѣсь кстати указать на ниже-помѣщенное свидѣтельство паломника Іеромонаха Мелетія и другихъ позднѣйшихъ писателей о попыткѣ Армянъ изгнать православныхъ христіанъ изъ храма Іерусалимскаго, чтобы чрезъ своихъ Архіереевъ удостоиться принять огонь непосредственно въ кувуклію. Попытка эта кончилась чудомъ. Греки дѣйствительно не были допущены Турецкимъ пашею, подкупленнымъ за деньги, а стояли внѣ храма предъ заключенными дверями. „Приближающуся же часу, въ который обыкновенно бываетъ чудо, *вдругъ разсѣлся одинъ изъ столбовъ*, которые суть въ

» стѣнѣ предъ святыми вратами и изшелъ
 » святой свѣтъ. Сіе видя, Патріархъ (право-
 » славный) притече со тщаніемъ и возже отъ
 » онаго свѣщи“.— „Армяне же,“ повѣствуетъ
 » далѣе іеромонахъ Мелетій, „совсѣмъ не вѣдая
 » о святомъ свѣтѣ, яко оный снысшелъ къ
 » православнымъ, ожидали онаго къ себѣ
 » внутрь Гроба, сильнымъ гласомъ, яко ваали-
 » тяне, вопія тщетно. Турки же стрегущіе св.
 » врата, видя такое чудо, тотчасъ отворили
 » оныя“. Патріархъ вошелъ внутрь храма съ
 » православными, вопія: „Кто Богъ велій, яко
 » Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!“ и т.
 » далѣе.. Чудо сопровождалось увѣровавшимъ
 » туркомъ. Не было ли такого же или инаго
 » знаменія съ латинянами и другими христі-
 » анами, неизвѣстно.

Арабы, въ религіозномъ восторгѣ, бѣгая
 » вокругъ кувукліи, восклицаютъ: „*Вола динъ,*
 » *илла динъ 'л-Месія!*“, что означаетъ: „Нѣтъ
 » вѣры истинной, кромѣ вѣры Православной!“

Извѣстный русскій писатель, бывшій впо-
 » слѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія,
 » А. С. Норовъ, присутствовалъ въ 1835
 » году въ Іерусалимѣ при схожденіи св. Огня,
 » а также и благочестивый паломникъ Андрей

Николаевичъ Муравьевъ—краснорѣчиво описали самое явленіе св. Огня и свое путешествіе.

Какъ же происходитъ самое явленіе Огня, объ этомъ разные путешественники пишутъ нѣсколько различно. Одни описываютъ, что предъ этимъ находятъ облако, другіе же, не упоминая этого, приписываютъ происхожденію св. Огня прямо отъ гроба Господня, иные паломники называютъ цвѣтъ огня синимъ, который дѣлается потомъ блестяще-свѣтлымъ, а некоторые изображали его краснымъ. Изъ послѣднихъ паломниковъ блаженной еамяти Андрей Николаевичъ Муравьевъ пишетъ, что „на гробъ Господень предвари-» тельно кладется хлопчатая бумага (вата) » дабы собирать ею святой огонь, появляю-» щійся, какъ говорятъ, малыми искрами на » мраморной плитѣ Гроба Господня“.— А. С. » Норовъ описываетъ: „Я видѣлъ, какъ пре-» старѣлый митрополитъ, склонясь надъ низ-» кимъ входомъ, вошелъ въ вертепъ и по-» вергся на колѣна предъ святымъ гробомъ, » на которомъ ничего не стояло и который » былъ совершенно обнаженъ. Не прошло ми-» нуты, какъ мракъ озарился свѣтомъ и ми-

трополитъ вышелъ къ намъ съ пылающимъ
пучкомъ свѣчей.—Иеромонахъ Мелетій, благо-
честивѣйшій Саровскій старецъ, утверж-
даетъ, что „явленіе святаго огня не отъ ину-
ду, кажется, происходитъ, какъ точно отъ
самаго гроба, освященнаго плотію Христо-
вою, который ежегодно источаетъ оный въ
знаменіе сія истины и правовѣрія“. Не могли
же быть самъ лично свидѣтелемъ схожденія
святаго огня, Иеромонахъ Мелетій приводитъ
слова Архіепископа Мисаила, отправлявшаго
тогда служеніе: „Вшедшу мнѣ, говорилъ ему
Архіепископъ Мисаиль, — внутрь святому
гробу, видимъ бѣ на всей крышкѣ гробной
блистающъ свѣтъ, подобно разсыпанному
мелкому бисеру, въ видѣ бѣлаго, голубаго,
алаго и другихъ цвѣтовъ, который потомъ,
свокупляясь, краснѣтъ и претворялся въ
вещество огня; но огонь сей, въ теченіе вре-
мени, какъ только можно прочесть не спѣша
четырѣдесять крѣтъ „Господи помилуй“, не
сжеть и не опалаетъ, и отъ сего-то огня
уготованные кандила и свѣчи возжигаются:
но впрочемъ, присовокупилъ Архіепископъ,
какъ, откуда явленіе сіе бываетъ, сказать
не могу“.

Такое разнообразіе сказаній о цвѣтѣ святаго Огня и о способѣ его явленія доказываютъ неподдѣльность и искренность писателей. Въ же сказанія очевидцевъ свѣдѣтся къ одному игогу, что Огнь нѣвѣцезвѣнь и является ежегодно въ Великую Субботу и до сего дня.

Противъ раскольническаго лжеумствованія, будто со временъ Патріарха Никона не бываетъ схожденія св. Огня, достаточно сказать, что въ уважаемой раскольниками книгѣ „о вѣрѣ“, напечатанной въ Москвѣ 1648 года, при патріархѣ Іосифѣ, въ главѣ первой о церкви сіонской, показано, что на всякое лѣто въ Великую Субботу бываетъ видѣнъ на Гробѣ Господнемъ святыи свѣтъ; и тамъ же нѣсколько ниже доказывается, что свѣтъ этотъ на гробѣ Христовѣ будетъ являться до скончанія вѣка.

„Радостно видѣтъ“, пишетъ Инокъ Парѣе-ній „что теперь и не-хотя, прочіе христіане » православную греческую вѣру уважаютъ, а » на православныхъ яко на пресвѣтлое солнце » взираютъ: ибо все надѣются получить бла- » годать святаго свѣта токмо отъ православ- » НЫХЪ“.

Относительно невѣрныхъ, или зараженныхъ послѣдними лжеученіями—мы просимъ, какъ и всѣхъ читателей, внимательно прочесть послѣдующія сказанія, сличить ихъ и провѣрить: да не будутъ не вѣрны, но вѣрны.

Филиппъ Мих. Авдуловскій.

СКАЗАНІЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ, ИЛИ ПАЛОМНИКОВЪ *).

Примѣчаніе. Я затруднялся какой предпринять порядокъ въ сборникѣ: и избралъ хронологическій, отъ древнѣйшихъ къ позднѣйшимъ. Читателей же прошу не стѣсняться этимъ порядкомъ, потому что позднѣйшіе писатели пишутъ яснѣе: пользуясь предшествовавшими. На нѣкое же разнорѣчіе не обращать вниманія: Богъ является разнообразно людямъ и чудеса Его также.

Ф. А.

---

*) Паломниками назыв. Иерусалимскіе поклонники, приносившіе оттуда по обычаю пальмовую вѣтвь, съ которою встрѣчаютъ недѣлю Ваий (Вербное Воскресеніе).

I.

Игуменъ Данилъ, путешествовалъ по святымъ мѣстамъ при великомъ князѣ Святополкѣ Изяславицѣ, когда въ Палестинѣ царствовалъ король Балдуинъ I, вскорѣ послѣ крестовыхъ походовъ, именно съ 1093 по 1112 года.

И се ми показалъ Богъ видѣти худому и недостойному рабу Своему, Данилу иноку: видѣхъ бо очима своима грѣшныма по истинѣ како сходитъ свѣтъ Святый ко гробу животворящему Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Мнози бо инии странницы не право глаголютъ о схожденіи Свѣта Святаго. Инии бо глаголютъ яко Дуаъ Святый голубемъ сходитъ ко Гробу Господню, а другіи бо глаголютъ яко молнія сходитъ съ небеси, и тако ожигаются кандила надъ Гробимъ Господнимъ. То есть лжа и не-

правда: ничто же бо тогда видѣти, ни голубя, ни молніи, но тако невидимо сходить благодать Божія и вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ. О томъ скажу яко же видѣхъ поистинѣ.

Въ Великую Пятницу, по вечернѣ потираютъ Гробъ Господень и помывають кандила, сущая надъ Гробомъ Господнимъ, и наливають кандила вся та масла деревянна, чиста, безъ воды, одного и вложать свѣтильна, и не вжигаютъ свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляють свѣтильна та не возженна и запечатлють Гробъ Господень во вторый часъ нощи. Тогда изгасятъ вся кандила не токмо ту сущая, но и по всемъ церквамъ, иже въ Іерусалимѣ. Тогда, азъ недостойный и худый идохъ въ пятницу великую въ 1 часу дни ко князю Балвину, и поклонихся ему до земли. Онъ же, видѣвъ мя поклонившася,—призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми:—„Что хочещи, игумене Руссій? позналъ бо мя баше добре и любяше мя вельми, яко же баше мужъ благъ и смиренъ вельми и не гордитъ. Азъ же рекохъ къ нему“:—Княже мой, Господине, молнотися: Бога дѣля и князей дѣля Русскихъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити кан-

дило на гробъ Святѣмъ Господнемъ отъ
всѣя Русскія земли, и за вся князи наша, и
за вся христіане Русскія земли. И тогда князь
съ радостію повелѣ ми поставити кандило, и
посла со мною мужа своего, слугу лучшаго,
ко иконому Святаго Воскресенія, и къ тому
ижъ держитъ Гробъ Господень. И повелѣ-
ста ми оба, икономъ и ключарь Святаго Гро-
ба Господня принести кандило свое съ мас-
ломъ. Азь же поклонихся има, и шедше на
торгъ съ радостію великою, и купихъ кан-
дило стекляное велико и наліяху масла дере-
вянаго чистаго безъ воды и принесохъ ко
Гробу Господню, ужъ вечеру сушу, и уда-
сихъ ключаря того единаго и возвѣстихъ
ему. Онъ же отверзе двери Гроба Господня
и повелѣ ми выступити изъ калигъ, и тако
босого введе мя единаго въ Гробъ Госпо-
день съ кандиломъ, еже ношахъ азь, и по-
велѣ ми поставити своимъ руками грѣшными
въ ногахъ, а въ головахъ, стояше кандило
Греческое, а на персѣхъ Святаго Гроба Гос-
подня кандило всѣхъ монастырей, а на средѣ
Русское кандило, еже поставихъ азь грѣш-
ный. Благодатію же Божіею та 3 кандила
возжглись тогда дольная, а фряжскія кан-

дила повѣшени суть горѣ, а тѣхъ кандиль ни едино не возгорѣся тогда. Азъ же, поставивъ кандило свое на святѣмъ гробѣ Господа нашего Иисуса Христа и поклонихся честному тому Гробу Господню, и облобызавъ съ любовію и со слезами мѣсто тое святое и честное, идѣже лежало Тѣло Пречистое Господа нашего Иисуса Христа, и изыдохомъ изъ гроба того съ радостію великою, и идохомъ каждо въ келію.

Заутра же *въ великую субботу, въ шестый часъ дня*, собираются вси людіе предъ церковію Возкресенія Христова, безчисленное много множество людей, отъ всѣхъ странъ пришельци и тоземци, отъ Вавилона и Египта и отъ Антіохіи, и отъ всѣхъ странъ—ту ся собирають въ тотъ день несказанно много людей, и наполняются вся та мѣста около церкви и около Распятія Господня. Велика же тѣснота тогда бываетъ въ церкви и около церкви, мнози бо тогда ту и задыхаются отъ тѣсноты людей тѣхъ. *И вси тѣ людіе стоятъ со свѣщами не возженными*, и ждуть отверженія дверемъ церковнымъ. Внутри же церкви токмо попове едины, и ждуть попове съ людьми дондеже князь Балдвинъ (Бал-

дуинъ I) приидеть съ дружиною, и бываетъ тогда отверженіе дверемъ церковнымъ, и входятъ вси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицей и наполняютъ церковь и внѣ церкви, около Голгофы и около Краніева мѣста и дотолѣ, идѣже налѣзень Крестъ Господень, все полно будетъ людей. И тѣ людіе иного глаголють ничтоже, токмо «Господи помилуй!» зовутъ неослабляючи и вошюють сильно, яко тутнати возгремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людей тѣхъ. И ту источницы проліются слезами отъ вѣрныхъ челоуѣкъ, аще бо у кого окаменено сердце имать и той тогда зазритъ себе и поминаетъ грѣхи своя, глаголетъ въ себѣ: егда моихъ дѣля грѣховъ не снидетъ свѣтъ святыи, и тако стоятъ вси вѣрніи слезни и сокрушенно сердце имуще. И ту самъ князь Балдвинъ стоитъ со страхомъ и смиреніемъ великимъ, источникъ слезъ проливается отъ очію его; та же и дружина его стоитъ около его прямо Гробу, близъ олтаря великаго. И яко бысть седьмый часъ дни субботнаго, поиде князь Балдвинъ ко Гробу Господню и съ дружиною своею изъ дому своего—*вси боси и пльши*. И присла князь въ Метохію св. Саввы и позва Игумена

съ чернци его, и поиде игумень со братією ко Гробу Господню; и азъ худый тутъ же идохъ съ игуменомъ тѣмъ и съ братією, и придохомъ ко князю тому, и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонися Игумену и брати всей. И повелъ же князь игумену святаго Саввы и мнѣ худому повелъ съ ними прийти близъ себе стати, нѣкимъ же игуменомъ и черноризцемъ повелъ князь собою идти, а дружинѣ по себѣ идти. И придохомъ въ церковь Воскресенія Господня къ западнымъ дверемъ, и се множество людей заступили бяху двери церковныя, и не могохомъ въ церковь внити. Тогда князь Балдвинъ велѣ разгнати людей насильствомъ воемъ своимъ, и сотвориша яко улицу сквозь люди оны до Гроба Господня, и тако возмогохомъ пройти. И тогда проидхомъ къ восточнымъ дверемъ до гроба святаго, а князь же по насъ вниде, и ста на мѣстѣ своемъ, на десной странѣ, у преграды великаго олтаря противу восточнымъ дверемъ, ту бо есть мѣсто княже устроено високо. И повелъ же игумену Святаго Саввы стати надъ гробомъ со всеми чернци и съ правовѣрными попы, а мене же худого повемѣ поставити високо

надъ самыми дверьми гробными противу великому олтарю яко дозрѣти ми бѣже во двери гробныя. *Двери же гробныя всѣ трои замченны и запечатаны печатью царскою, латинстїи же попове стояху въ велицѣмъ олтарѣ.* Яко бысть осьмый часъ дни и почаша попове правовѣрнїи пѣти вечерню на гробѣ горѣ, и вси духовнїи мужи и чернеризцы и пустынницы мнози бяху ту пришли. Латыня же въ велицѣмъ олтарѣ верещати начаша свойски; и тако поощимъ имъ веѣмъ, азъ же ту стоя, прилежно зряхъ къ дверемъ гробнымъ. Яко почаша паремь чести субботы великїя, и на первой паремь изыде епископъ съ дьякономъ изъ великаго олтаря, и прише ко дверемъ гробнымъ, и призрѣ во гробъ сквозъ хрестцъ дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта во гробѣ и возвратися вспять во олтарь. Епископъ съ дьякономъ паки припаде къ дверемъ гробнымъ и не увидѣ ничтоже во гробѣ. Тогда вси людіе возопиша со слѣзами: *Кириелейсонъ!* еже есть Господи помилуй! Яко бысть 9-му часу минушу начаша плъти проходную: *«Господеву поемъ»*, тогда *внезапу прише туча мала отъ востока, и ста надъ верхомъ непокрытымъ тоя церкви, и одо-*

жди надъ гробомъ Господнимъ. И тогда внезапно возсія свѣтъ во гробѣ святѣмъ и изыде блещаніе страшно и свѣтло изъ гроба Господня. И прииде епископъ съ четырьмя діаконы и отверзши двери гробныя. И взяша свѣцу и князя того Балдуина и видѣ, възже свѣцу Княже первое отъ свѣта того святаго, изнесше изъ гроба свѣцу и вдасть ю самому князю тому въ руку; и ста князь на мѣстѣ своемъ, держа свѣцу ту съ радостию великою. Отъ тоя свѣщи мы всѣ възжегохомъ свои свѣщи, а отъ нашихъ свѣщъ вси людіе възжгоша свои свѣщи. Свѣтъ же святой нѣсть яко огонь земный, но чудно инако свѣтися изрядно, и пламя его червлено яко киноварь. И тако вси людіе стоятъ со свѣщами горящими, вопіють же вси непрестанно—Господи помилуй! съ радостию великою и веселіемъ, видѣвши свѣтъ Божій святой. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, той не имать вѣры сказующему о всемъ томъ видѣніи. Обаче вѣрніи добріи человекы вельми вѣрують и вѣласть послушаютъ сказанія сего о святынѣ сей и о мѣстахъ сихъ святыхъ. Верній бо в малѣ и въ мнозѣ вѣренъ есть, а злу человеку истина крива есть. Мнѣ же худому—Богъ послухъ

есть и святыи Гробъ Господень, и вся дружина моя Русскіе сынове, приключившіеся тогда Новгородци и Кіяне Сѣдиславъ Ивановичъ, Горославъ Михайловичъ, Кашкича два и иніи мнози, иже то свѣдаютъ о мнѣ и о сказаніи томъ. Егда же свѣтъ во гробѣ возсія, тогда жъ и пѣніе преста и вси возопиша:—Кирие элейсонъ! (Господи помилуй!) и потомъ пойдоша вси изъ церкви съ радостью великою и со свѣщами горящими, соблюдаяще каждо свѣщу свою отъ угашенія вѣтренаго, и идоша каждо во свояси. Отъ того же свѣта святаго взжигаютъ свѣщи во своихъ церквахъ и кончеваютъ пѣніе каждо дома въ своей церкви.

II.

Иеродиаконъ Зосима, монахъ Сергіевской давы, путешествовавшій въ Іерусалимъ въ 1420 году, пишетъ:

И поутру зѣло рано, внидохомъ въ градъ святыи Іерусалимъ, и идохомъ первое во святое Воскресеніе, на самыи праздникъ, на Великъ день и бихомъ челомъ живодавному Гробу Господа нашего Іисуса Христа мно-

гажды. *Видѣхъ святыи свѣтъ небесный:—о десятомъ часу дни, въ великую субботу зажигаются паникадила надъ гробомъ Божиимъ невидимо. О зажженіи же глаголютъ инии яко молнія сверкаетъ, а инии же глаголютъ, яко голубъ во устахъ своихъ огонь носитъ; а все то есть ложь, а не истина, занеже азъ видѣхъ Зосима грѣшныи діаконъ. Не хвалюся глаголю, никто же тако видѣ Іерусалимскія мѣста, яко азъ грѣшныи видѣхъ Іерусалимскія вся мѣста.*

И такъ Іеродиаконъ Зосима признаетъ невидимое зажженіе лампадъ.

III.

Трифонъ Корабейниковъ, Московскій купецъ съ товарищами, по особому соизволенію Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича; въ 1583 году, путешествовавшій въ Іерусалимъ, Египетъ и на Синайскую гору, имѣвшій порученіе отъ него доставить пожертвованія въ оныя мѣста за души сына его Царевича Іоанна Іоанновича, въ книгѣ своей, писанной объ этомъ предметѣ и изданной въ 1798 г. Ив. Михайловымъ, а потомъ

и многими другими, повѣствуетъ о явленіи св. Огня слѣдующее:

Въ тотъ же день Великія Субботы завтра внидутъ поганы Турки, Спаги Санчаки и Янычары въ великую церковь ко Гробу Господню и ногають вся кандила, горящія во всей вѣлицей церкви и по придѣломъ и надъ самымъ Гробомъ Господнимъ, и ни едино оставятъ кандило съ огнемъ; у Патріарха же и у христіанъ обычай имутъ яко въ домѣхъ своихъ въ великій четвергъ погашаютъ огонь и отъ того мѣста не бысть огня ни у кого же, *дондеже снидетъ съ небесе на гробъ Господень* и отъ того огня взимають и разносятъ въ дома своя и держатъ во весь годъ тотъ огонь, и дѣла не дѣлають никакого, развѣ Богу молятся до Воскресенія Христова. Церковь малую запечатлѣють, иже надъ гробомъ Господнимъ, своею печатью и стражей поставятъ у дверей гробницы: Патріархъ же со христіанами идутъ во свою Церковь къ Воскресенію Христову, и тамо молятъ Бога со слезами и ждуть знаменія Божія съ небеси, и за два часа до вечера прійдетъ аки солнце въ великую церковь, въ непокровенное мѣсто, а непокровенное мѣсто

въ большой церкви надъ гробомъ Господнимъ и узреть патріархъ тотъ лучъ божественнаго знаменія и возьмъ Евангеліе и крестъ и хорульвъ со свѣщи безъ огня и пойдетъ въ боковыя двери, сирѣчь въ сторонныя отъ старыя трапезы, ко Гробу Господню, за нимъ иноки и христіане и епископы вѣрные и многіе за нимъ игумены армянскіе со армены, и за нимъ идутъ Кофты и Хабежи и Мурины и Несторіане и прочая ихъ ересь, со своими попы. И пришелъ патріархъ со христіаны къ гробу Господню и обыдоша трижды вокругъ, приде на гробницу — молящися со слезами, инокомъ же и инокнямъ и христіанамъ плачущимся горце, вопіюще ко Господу: «Господи, сподоби насъ видѣти благодать чловѣколюбія Твоего, и не остави насъ сирыхъ». Патріархъ же, ходя вокругъ Гроба Господня, пояше стихирь: «Днесъ ады стена вопіеть»... намъ же всѣмъ плачущимся, не могущимъ удержатися отъ слезъ. Приде же Патріархъ къ дверемъ церковнымъ Гробницы Господней и повелѣ Туркамъ придѣль надъ Гробомъ Господнимъ отпечатати; патріархъ же отверзе двери гробницы и узрѣвше вси людіе благодать Божію, сошедшую съ небесъ на Гробъ

Господень въ огненномъ образѣ, огню ходящу по Гробу Господню по декѣ мраморнѣ и всякими цвѣты, что молнія съ небеси, а кандиломъ всемъ стоящимъ вверху Гроба безъ огня, и видѣвши вси людие таковое челоуѣколюбіе Божіе, возрадовашася радостию великою зѣло, испущаху многія слезы отъ радости. Патріархъ же Софроній вниде единъ въ предѣлъ Гроба Господня, имуще въ обихъ рукахъ свѣщи многія приступи ко Гробу Господню держа свѣщи вскрай Гроба Господня и сниде огонь съ Гроба Господня якоже молнія на Патріаршу руку и на свѣщи, и абіе, загорѣшася свѣщи въ патріаршихъ рукахъ предъ всемъ людьми и насъ сподобилъ Богъ видѣти; тутъ же на Гробѣ Господнемъ христіанскія кандила загорѣшася, а отъ латинскихъ вѣрь ни едино кандило загорѣся. Патріархъ же изшедъ изъ предѣла Гроба Господня, имуще аъ рукахъ въ обихъ свѣщи многи горяци великіе пучки, изнесе огонь изъ предѣла Гроба Господня и по сторонѣ предѣла Господня ста на высокомъ мѣстѣ, гдѣ ему на то учинено—Народъ же окрестъ его стоящъ, и отъ руки его взимаху огонь христіане и вжигаютъ воски ве-

ликой церкви и по святымъ мѣстамъ свѣщи и кандила, и понесоша тотъ огонь въ дома своя для благословенія и держать тотъ огонь во весь годъ въ домѣхъ своихъ.

IV.

В. Г. Барскій (Плаки-Альбовъ) пѣшеходъ, монахъ Антиохійскій, уроженецъ Кіевскій, путешествовавшій ко св. мѣстамъ въ Европѣ, Азій и Африкѣ находящимся съ 1742 по 1748 годъ, въ описаніи подъ заглавіемъ «Путешествіе во Іерусалимъ», пишетъ:

Римляне убо въ великій пятокъ въ полуночи, возставше отъ мѣста своего и облекшеся въ одежды своя священническія идоша первѣе на гору Голгофу съ многими лампадами возженными и псалмопѣніемъ, носяще крестъ съ распятымъ Христомъ, отъ древа вырѣзаннымъ, и вознесше на Голгофу, поставиша, поюше свое правило, яко часъ единъ; таже единъ отъ иноковъ изъ францискановъ, учитель сый, изыде на среду и повѣствоваше поученіе къ народу итальянскимъ языкомъ, си есть римскимъ общенароднымъ; по окончаніи же сняша съ креста

икону Христову древяну и положивше плащаницу, несоша съ Голгофы низу, и положиша на мѣстѣ ономъ, идѣже Іосифъ съ Никодимомъ, снемше Тѣло Хрстово съ креста, обви плащаницею; и тамо такожде подобнѣ пѣніе сотворше, повѣствова инъ учитель великое пѣученіе къ народу языкомъ арапскимъ, на пользу арапамъ, отъ нихъ же многихъ превратиша къ своей церкви. Послѣди же несоша икону Христову съ плащаницею и положиша ю вверху Гроба Христова, и тамо третій учитель гнипанскимъ нарѣчіемъ поученіе сотвори: окончившимъ же всѣмъ нощное правило *угасиша вся кандила, яко ни единому нигдѣ же остатися, обычай бо тамо есть отъ ветхихъ временъ сице творити, понеже всѣ христіане новаго огня ожидаютъ, иже являшеся отъ Гроба Христова въ Великую Субботу о девятомъ часѣ дня во всѣ годы, его же исповѣдуютъ и вѣрують—* Греки, Армяне, Копты, Сиріяне и Ефіопы вѣры Греческой, токмо едины Римляне не вѣрують, и глаголють яко хитростію нѣкакою Греки творять, сего ради отчасти неимуще откуда огня взяти, отчасти же вопреки Грекамъ творяще, завтра, въ Великую

Субботу, рано, прежде даже не взойдетъ солнце предъ Гробомъ Христовымъ поставляютъ трапезу украшенну серебромъ и златомъ и свѣщами многими въ служеніе Божественной литургіи, творять огнь новый сицевымъ образомъ: возьметъ одинъ отъ Римскихъ инокъ камень, желѣзо и губу, или просто рекше, трутъ и ударяетъ дважды или трижды и яко бы не могущи, зажещи, отдаетъ Турчину, и той высѣкаетъ огнь и зажигаетъ тогда свѣщи и литургисаютъ предъ Гробомъ Христовымъ; еже многоразличные нареды видяще посмѣваютъ, особнѣ же азъ хотяще видѣти тайну, одинаго отъ законниковъ ихъ вопрошахъ: почто аще творять? отвѣтствова мнѣ, яко умершу Христу плотию—вся совершишася, и ветхая мимо идоша, въ воскресеніе же вся премѣнишася и нова быша, сего ради и мы, новый, рече, огнь, не сущу ветху, содѣлаваемъ. Обаче наки пристуцало къ повѣсти, яко по окончаніи оной литургіи абіе собирають вся и входятъ всѣ римляне внутрь обители своя и заключается, и неисходно пребываютъ даже до явленія огня отъ Гроба Господня, отъ него же запалаютъ свѣщи всѣ христіане и армяне и прочія секты, обрѣ-

тающіяся въ великой церкви Воскресенія Господня.

О огнѣ Иерусалимскомъ многая и различная глаголють словеса, нѣкая же и противная Богу. Нѣци убо глаголють, яко огонь оный съ небеси сходитъ, иные же отъ великаго усердія и неразсужденія рекутъ, яко нѣсть огонь, но Духъ Святый, другіе же глаголють яко не палить, прочіе же глаголють яко палить, нѣци же баснословятъ яко до тріехъ лицъ, си есть, егда первый возжетъ отъ Гроба, другій же отъ перваго и третій отъ втораго, тріехъ человекъ не опаляетъ, четвертый же егда возжетъ—опаляетъ его. Паки иніи повествуютъ, яко огонь оный аки ртуть, или живое серебро, на части малыя круглы раздѣляшеса, вверху мрамора гробнаго движется и нѣсть червленъ, но токмо синій, аки отъ сѣры возженный, нѣци же глаголють, яко пламень великъ есть, яко всей каплицѣ Гроба Господня наполнятся; обаче Богъ вѣсть кому вѣру яти требѣ, никто же бо можетъ вѣдати совершенно о томъ, кромѣ того, иже входитъ внутрь первый и возжевши износить, ниже бо кто можетъ внутрь гроба внити въ часъ той, подъ великою и крѣп-

кою стражею, кромѣ Патріарха, или безъ бытія Патріарха, иного архіерея на мѣстѣ его служащаго; обаче азъ подѣ совѣстію моею, тщательный читателю, истинно та вся неотмѣнно, яко же бывають, тако исповѣмъ, и якоже азъ своимъ очима видѣхъ и увѣдахъ, никто же бо мною не имѣяше такового тщанія и испытанія отъ между толь тысячнаго народа путниковъ, яко же азъ. *Заутріе убо въ Великую Субботу* всѣ лампы и свѣщи, елико могутъ обрѣстися, въ церкви сами Турки съ иноки греческими и армянскими, вся престолы и углы церковныя, горѣ и низу созирають, аще могутъ, гдѣ каково либо свѣтило буде обрѣсти и всюду угашають, такожде и всѣ христіане, наипаче же и арапы блюдутъ, да не како останеть гдѣ нѣкое кандило горящее, то же обшедше вся нѣци отъ начальнѣйшихъ инокъ греческихъ и армянскихъ и погасиша всѣ кандила обрѣтающіеся внутрь Гроба, понеже Гробъ Христовъ есть внутрь зданія, двои врата имущаго внутренія и внѣшнія, еже аки церковь мала стоитъ главою (яко же предъ писахъ). Тогда народъ безчисленъ отъ поклонниковъ и Іерусалимлянъ готовящихся съ великимъ говѣніемъ

и усердіемъ, влѣзающе на зданія и столпы церковныя и прицѣпляющесе другъ къ другу, едва на главу не возлѣзающе и подавляхуся утѣсняющесе, всякъ хотяй первымъ быти и первѣе отъ рукъ архіерейскихъ возжещи свѣщу, и азъ бо хотѣхъ потщатися и быти первѣйшимъ паче всѣхъ; но егда приспѣ время, едва не послѣднѣйшимъ быхъ, и весь народъ руки подносяще вопіяху: «Киріе элейсонъ!» Приближающуся же часу осьмому дня 1 Апрѣля, уготова новый кандилоначальникъ великія церкви, наполненъ елеемъ (сосудъ) и понесе внутрь Гроба Христова не возженъ, и постави его на верху камене гробнаго на зажженіе новаго онаго святаго огня, его же греческимъ нарѣчіемъ именуютъ *агїосъ фотосъ*, си есть святой свѣтъ. Бывшу же яко полчаса осьмому дня прииде нѣкій отъ знаменитыхъ *Турчиновъ* и вшедши внутрь Гроба Христова созираше де некако кто утаится и сокрыется тамо и да не останеть нѣкое кандило не погашено, таже изшедше заключи врата и печатію утверди и окрестъ вратъ пристави стражу крѣпкую, и не вхождаше къ тому никтоже. Абіе же намѣстникъ патріаршій, не сущу тогда въ Іерусалимѣ самому

патріарху со священниками и діаконы и со
всѣмъ причтомъ церковнымъ облекашася во
одежды священническія; и егда огласи осьмь
часовъ, тогда весь освященный соборъ стоя-
ше внутри великаго олтаря и ожидаше зна-
менія. Знаменіе же сицево есть, егда узритъ
весь народъ нѣкое кандило внѣ гроба въ
церкви запаляемое и самъ узритъ Патріархъ
или намѣстникъ его, тогда разумѣють, яко
и внутри Гроба Господня огонь есть несо-
мнѣнно, всегда бо на всякъ годъ или пять или
четыре или два или поне едино запаляется,
обаче не горять, токмо просвѣщаются, аки
плъменемъ огненнымъ, отъ нихъ же и азъ
три кандила видѣти сподобихся; два убо бяху
мало блестящесея и по малѣ ногасоша, третіе
же егда запалися и сначала пламенемъ вели-
кимъ горяше зѣло прекрасно дотолѣ, доне-
леже не погаси пономарь. Узрѣвши убо на-
мѣстникъ патріаршій просвѣщаемыя кандила
святымъ онымъ свѣтомъ не руконоснѣ, та-
кожде и вси люди, абіе изыде со всѣмъ свя-
щеннымъ есборемъ и творяху обхсжденіе
окрестъ каплицы Гроба Христова, поюще:
*Воскресеніе Твое, Христе Спасе нашъ, Ангели
псютъ на небесахъ...*, обшелше же прежде свя-

щенницы вси завратишася въ великій олтарь, Митрополить же, намѣстникъ Патріаршаго престола, Турчину, отрѣшившу печать и отверзшу двери вниде внутрь гроба, со свѣчами невозженными, стояху же нѣколько иноковъ младыхъ и сильныхъ крѣпостію, готовяхуся взяти архіерея Господня *со святымъ свѣтомъ* и принести ко олтарю, понеже, аще бы не было сице на всяко дѣто, народъ задавилъ бы конечно Архіерея единого; вкупѣ же съ Архіереемъ Греческимъ и епископъ армянскій внуръ вниде, обаче не дѣйствуетъ, токмо зрить чудо творимое и стоитъ за первыми враты внѣшними при камени, иже отваленъ есть отъ гроба. Архіерей же греческій во внутреннѣйшія входитъ врата, идѣ же есть Гробъ Христовъ мраморень, и тамо, не вѣмъ како и каковымъ образомъ, запалаетъ свѣщи мнози и даетъ единъ связанъ свѣщъ отъ руки своея армянскому архіепископу, таже износитъ вонъ къ народу: Сице о сокровенныхъ слышимъ, обаче да приступлю къ повѣсти начатой. Тогда митрополить греческій вшедши внуръ гроба замедли, яко чрезъ двое „Помилуй мя, Боже!“, таже изыде къ народу въ десницѣ и муйцѣ многія запаленныя

свѣщи нося и абіе, похитивши иноки Архіерея своего, носяху къ своей церкви, также всего силою возринуея народъ на архіерея Греческаго наипаче же отъ странныхъ и далекихъ пришельцевъ, и сотворися мятежь и воцль великъ, всякъ, бо простираше руки ко архіерею, угнетаху другъ друга и отрѣвюще скакаху на плеча единый другому, и всякъ хотяше отъ самаго Архіерея засвѣтити своя свѣщи и тогда—кто сильнѣйшій, тотъ и первый бѣше, кто же немощнѣйшій, тотъ послѣдній бысть. Запали убо весь народъ свои свѣщи, нѣкоторые жа другъ отъ друга, обаче едина сила и благословеніе отъ всѣхъ воспріимутся. Архіерея же внесоша внутрь олтаря еле жива отъ угнетенія народнаго и тамо препочивши мало укрѣпися, бысть же тогда церковь вся полна пламене огненнаго и зряшеся яко рѣка огненная текущая, или яко пламено несныя Херувимы летающія по храмъ Господнемъ, отъ него же страхъ и радость неизглаголанная пронзали въ утробу человѣческую, и бысть въ народъ торжествованіе и удивленіе много; мало же подержавши свѣщи погасиша, понеже всякъ путникъ оныя свѣщи въ свою страну несетъ

на благословеніе, и возжегши кандила серебряная отъ огня онаго въ великомъ олтартѣ и на Голгофѣ, начатъ Епитроитъ со всемъ освященнымъ соборомъ пѣти—прежде утренню, потомъ литургію, и тогда еще нѣкая кандила невозженная просвѣщахуся свѣтомъ, аки горѣти мняхуся, едино же зазжеся пламенемъ совершеннымъ, и горяше чрезъ всю Божественную литургію, послѣди же, изшедъ монастырь погашати кандила, тогда и тое погаси, не видѣвшу миѣ, а еже яко не возжегомо бѣ, но само зазжеся, сіе азъ самъ видѣхъ, и тогда утвердихъ маловѣріе мое.

По окончаніи Божественной литургіи христіане зѣло радовахуся, благодаряще Бога, яко получиша желаемое, понеже поклонники не иной ради вины, даже до Воскресенія Господня медлятъ въ Іерусалимѣ, токмо чудотворнаго ради онаго и освящающаго пламени, иже отъ мрамора гроба въ Великую Субботу въ девятый часъ дня является.

У.

Іоаннъ Лукьяновъ. Московскій Священникъ, старообрядецъ, путешествовавшій по святой

землѣ въ царствованіе Петра I, въ 1710 и 1711 годахъ пишетъ:

Въ Іерусалимѣ у великой церкви двое вратъ: одни замуравлены, а вторыя отворяются, и тѣ запечатаны отъ Турокъ, которыя на Турка дань собираютъ. А у тѣхъ вратъ, по обѣ стороны стоятъ 11 столповъ: 8 мраморныхъ, да 3 аспидныхъ. И какъ вышедъ изъ церкви на правой рукѣ въ церковь идучи на лѣвой сторонѣ одинъ столпъ, а отъ вратъ идучи другой столпъ. И на томъ столпѣ язва великая: разсѣлась больше аршина вышины подобно тому, какъ громъ дерево обдержитъ, а сказываютъ, что изъ того столпа въ Великую Субботу вышелъ огонь изъ церкви тѣмъ столпомъ, такъ онъ отъ того и разсѣлся. Мы же про тотъ столпъ у Грековъ спрашивали, такъ они намъ сказали, надъ тѣмъ столпомъ бысть знаменіе великое: 24 рока (года) тому уже де прошло, пришедъ де армяне къ паниѣ да и говорятъ такъ: «Греческая де вѣра неправая, огонь де сходитъ не по ихъ вѣрѣ, а по нашей, возьми де у насъ сто червонныхъ, да чтобъ де намъ службу пѣть въ Великую Субботу, а Грекъ де вышли вонъ изъ церкви, чтобъ де они

туть не были, а то скажутъ, по нашей де вѣрѣ огонь съ небеси сходитъ». Турчинъ облакомился на гроши и обольстися на большую дачу, да Грекъ (п) выслалъ вонъ изъ церкви. Потомъ Турчинъ отперъ церковь и пустилъ Арянъ въ деѣ Великія Субботы; а митрополитъ Греческій со христіяны стоялъ у столпа, у мѣста Царицы Елены, гдѣ она жидовъ судила, а то мѣсто внѣ церкви великія, и митрополитъ стоялъ у того столпа и плакалъ и Богу молился: а Армяне въ великой церкви въ тѣ поры по своей проклятой вѣрѣ кудосили и со кресты около придѣла Гроба Господня ходили и кричали: «Кирие Элейсонъ!» и ничто же бысть. И будетъ какъ часъ одиннадцатый и сниде огонь съ небеси на придѣлъ Гроба Господня и поигра, яко солнце въ водѣ блистая—пойде къ вратамъ великія церкви, а не въ придѣлъ Гроба Господня, и тамо не во врата пойде, но въ цѣлое мѣсто сквозь стѣну и въ столпъ каменный, и разсѣдся столпъ и выде огонь изъ церкви предъ всеѣмъ народомъ, а столпъ треснулъ, что громъ съ великимъ шумомъ загремѣлъ. Тогда весь народъ изъ церкви выбѣгоша на тотъ позоръ смотрѣть такова-

го чуда, гдѣ огонь пойдетъ, и смотрѣша: и огонь пошелъ по мосту, что внѣ церкви слано каменіемъ; и дошедъ до того мѣста, гдѣ митрополить стоитъ съ христіаны и на коемъ мѣстѣ стоитъ кандило съ масломъ безъ огня, только фитиль плавааетъ, и пришедъ огонь къ столпу и опали весь столпъ, потомъ загорѣся кандило. И когда Турчинъ увидѣлъ такое чудо, (а въ тѣ поры турчинъ сидѣлъ у велик^{ой} церкви у Великихъ Вратъ), к^{ой} дань собираетъ съ Турка, закричалъ Величайшимъ гласомъ: «Великъ Богъ христіанскій!» «Хочу быть христіаниномъ!» Тогда ухватили его, стали мучить и по многому мученіи, видя его непокорящагося, потомъ склалша великій огонь противу того столпа, гдѣ кандило съ масломъ загорѣлося, а тутъ его спалиша.

А нынѣ тако бываетъ сошествіе Огня: Въ день великія Субботы Греческій Митрополить со христіаны, взявъ св. иконы, въ часу девятомъ дни — пойдутъ кругъ Гроба Господня, и когда обойдутъ около придѣла трижды, тогда Турчинъ опечатаетъ придѣлъ Гроба Господня, и посмотритъ на кандило Греческое: буде есть огонь, такъ онъ скажетъ

Митрополиту, а какъ нѣтъ, то скажетъ нѣтъ; и тако греки великимъ воплемъ кричатъ: «Кирие Элейсонъ!» на многъ часъ; а Турчинъ понаровя да еще посмотрить, и когда увидитъ Турчинъ огонь, такъ и скажетъ Митрополиту; тогда Митрополитъ возьметъ свѣчь великіе пуки въ обѣ руки, да и пойдетъ въ придѣль Гроба Господня, да и зажжетъ оба пука свѣчь, да вынесетъ христіанамъ, а христіане отъ его руки стануть разбирать. Потомъ за христіаны—армяны пойдутъ въ придѣль Гроба Господня, да возьмутъ Огнь отъ Греческаго кандила; потомъ стануть по всей великой церкви зажигать; такъ-то пѣніе бываетъ.

VI.

Иеромонахъ Мелетій, благочестивый старецъ Саровской пустыни, путешествовавшій въ Иерусалимъ въ 1793 и 1794 годахъ, описавшій свое путешествіе подъ руководствомъ извѣстнаго *Иерарха Θεодотія*, (путешествіе издано въ Москвѣ 1798 г.) повѣствуетъ о святомъ Огнѣ нижеслѣдующее:

Въ Великую Субботу рано, приступили къ

заключеннымъ церковнымъ вратамъ убогіе христіане Арапы, которые пришли тогда изъ дальнихъ мѣстъ, числомъ болѣе 500 чело- вѣкъ и начали съ великимъ воплемъ и сле- зами умолять Турковъ именемъ Божиимъ, здравіемъ султана и государства, дабы ихъ, яко неимущихъ денегъ — туне пустили въ церковь съ прочими христіанами праздновать святое Воскресеніе. Но Турокъ не иначе вопль убогихъ сихъ людей умягчилъ, какъ точію получивъ обѣщаніе отъ драгомановъ (переводчиковъ) нѣкотораго числа денежной за нихъ заплаты. Теперь не утаю отъ чита- теля и того, чѣмъ нѣкоторые изъ сихъ бѣд- няковъ въ церкви занимались. Они отъ вто- раго часа дня, до осьмага, становясь одинъ другому на плеча, ходили непрестанно во- кругъ св. Гроба, и въ посрамленіе Римлянъ, невѣрующихъ снитію огня, (Римляне снитіе Огня не признаютъ, и въ Субботу отъ утра до вечера не показываются, но Арабы ихъ, превращенные изъ православныхъ, послѣдуя своимъ благочестивымъ предкамъ, оное до нынѣ сознаютъ) — преподавали на обѣ сторо- ны по обыкновенію ихъ, сложенными и пря- мо простертыми ладонями — благословеніе.

Также, держа въ лѣвой рукѣ шалку, правою выбрасывали изъ оной, акибы деньги народу. Симъ означали увѣщаніе и привлеченіе къ католичеству своихъ бѣдныхъ соплеменниковъ, а при томъ и надъ Армянами издѣвались.

Явленіе святаго Свѣта. Когда въ церкви пробило седьмь часовъ дня, паракклезіархъ взявъ благословеніе началъ ударять въ желѣзное било. Сему продолжающуся, дѣлалось приготовленіе. Внутри пещеры, на крышкѣ св. Гроба, поставлено большое хрустальное кадило для сего только случая сберегаемое, наполненное чистымъ елеемъ съ устроенною свѣтильною и положены свѣщи. Потомъ дверь гробнаго притвора заключена печатью. У преддверія же при остѣнкахъ по обоимъ сторонамъ стояли изнесенныя изъ олтаря будничныя хоругви числомъ 12, между коими видѣлъ я и Россійскія хорошаго письма. Въ олтарѣ тогда Архіепископъ *Мисаилъ* и шесть священниковъ облачилися во всѣ церковныя одежды. Два попа, *Армянскій* и *Коптскій*, въ лицѣ своего народа, сознающаго снитіе огня, взявъ благословеніе отъ помянутаго Архіепископа отошли на свои мѣста. Такжеже и

народъ разновѣрной, кромѣ Римлянъ, весь стоялъ при своихъ молитвенницахъ. Какъ скоро исполнилось восемь, часовъ, билу умолкшу, Архіепископъ со священнослужителями вышелъ изъ олтаря въ царскія врата и обошелъ въ церкви св. Гробъ трижды съ воспѣваніемъ воскресной стихирѣ 6 гласа: *«Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ: и насъ на земли сподоби, чистымъ сердцемъ Тебѣ славити.»* Потомъ, снятой печати и отверзтой бывшей двери притвора, вошелъ Архіепископъ внутрь ко св. Гробу. Изъ притвора же чрезъ дверцы къ оному приникали епископъ и начальствующіе Турки. По прошествіи минутъ двухъ, вышелъ Архіепископъ изъ пещеры въ притворъ, имѣя лице обращенное къ востоку и поднятыя крестообразно руки съ горящими свѣщами: и десницею нѣсколько оныхъ подалъ чрезъ отверстіе Арапу стоящему въ церкви на сѣверной сторонѣ у притвора, шуйцею же чрезъ другое отверстіе армянскому Архіерею, внѣ притвора, на южной сторонѣ съ своимъ клиромъ и народомъ стоящему. Арапъ, дабы отъ людей не былъ замѣтъ, полетѣлъ аки птица съ огнемъ къ олтарю, и отдалъ оный

Скевофиляксу, получили себѣ въ даръ червонецъ. Отъ огня сего все стоявшіе въ олтарѣ люди, въ числѣ коихъ и я, свѣчи свои зажгли. Архіепископъ, идя отъ притвора къ олтарю свѣчи свои раздавалъ людямъ. И такъ все отъ Архіерея и другъ отъ друга пуки свѣчъ держимые въ рукахъ, зажигали, и разливался огонь подобно рѣкѣ. И во все сіе время весь благочестивый изъ разныхъ странъ и родовъ, собравшійся народъ въ восхищеніи и радости духовной, каждый своимъ языкомъ не умолкну взывать: «Господи помилуй!» Грапекія же малыя дѣти, какъ древле еврейскія, не въ маломъ числѣ, проходя въ церкви между людьми, многократно, во у слышаніе всемъ восклицали: «*Вола динъ, илла динъ Эл-Мессія*, то-есть: *нѣсть вѣры, едина православныхъ христіанъ*. Потомъ совершалась литургія Василія Великаго, и было множество причастниковъ. По злужбѣ трапеза, и послѣ оной читали въ церкви дѣянія святыхъ Апостоль. Свѣчи же, по обженіи, поклонники погасили, кои послѣ отвозятъ въ свое отечество: но въ неугасимо горящихъ кандилахъ при Гробѣ и другихъ мѣстахъ огонь

сей непрерывно чрезъ годъ паки до окончанія субботней утрени сохраняется.

О семъ Святомъ Свѣтѣ любопытство людей многое простирается, желая знать, какъ и откуда оной приходитъ? Иные же изъ простѣвшихъ, стоя тогда въ церкви, мечтаютъ чрезъ верхнее церковное отверстіе, что надъ святымъ Гробомъ, видѣть даже сходженіе онаго; но сему причина та, что во время ожиданія огня, люди, особливо около Гроба, бывъ въ движеніи колебаясь, воздвигаютъ тонкой прахъ, въ которомъ солнечные лучи, проникающіе чрезъ отраженіе и котрясающійся воздухъ, сверкаютъ и нѣкакo блещутъ. И тако отъ сего пораждается въ нихъ мнѣніе о видимости его. Но явленіе св. Свѣта не отъ инуда, кажется происходитъ, какъ точію отъ самаго Гроба, освященнаго возлежавшею плотію Христовою, который ежегодно источаетъ оный, въ знаменіе сея истины и правовѣрія.

Какъ же св. Свѣтъ видимъ бываетъ на Гробѣ о семъ предложу здѣсь отъ сказанія самаго Архіепископа Мисаила отправлявшаго тогда при явленіи онаго служеніе:—*«Вшедшу мнѣ, сказивалъ онъ, внутрь ко св. Гробу, видимъ бѣ на всей крышѣ Гробной блистающъ*

свѣтъ, подобно разсыпанному мелкому бисеру, въ видѣ бѣлаго, голубаго, алаго и другихъ цвѣтовъ, который потомъ совокупляясь краснѣль, и претворялся въ теченіе времени въ вещество огня; но Огнь сей, въ теченіе времени, какъ только можно прочесть не снѣша сорокъ четыре раза „Господи помилуй!“ не жжетъ и отъ сего-то огня угатованныя кандила и свѣщи возжигаются. Но впрочемъ, присовокупилъ онъ, какъ и откуду явленіе сіе бываетъ? сказалъ не могу!

Явленію святаго свѣта всѣ Армяне и Копты и всѣ Евтихіяны вѣрятъ, католики же, отрицая, приписываютъ Греческой хитрости, Но не знаю какъ они принимаютъ своего Бароня, свидѣтельствующаго, что западнѣ, по взятіи Іерусалма отъ Сарацинъ, видѣша и чудо, егда въ субботу великую у Гроба Господня свѣщи сами зажигаются. Чудо же сіе бѣше—тамо обыкновенно. Олонецкіе же выгопустынныя антихристинне, повидимому, кажутся противники Латинъ, но самую вещь искренніе ихъ друзья и единомысленные враги св. Сіона. Они, прельщая себя и подобныхъ себѣ невѣждъ, пишутъ въ книгѣ своей, называемой *Олонецкіе отвѣты*, въ 90-мъ от-

вѣтъ, яко-бы, нынѣ отъ временъ Никоновыхъ, того Божія великодействія, т. е. явленія св. Огня не слышится, и самобывшіи тамо, не повѣдаша, ибо и *Арсеній Сухановъ*, бывшій при Патріархѣ Паисіи, повѣствуетъ, яко тогда не видѣша снитія огня небееаго. Кто же были самовидцы, кромѣ Арсенія? не объявили; видно никого не знали. Въ Арсеніево же время, ежели не было снитія огня, то будетъ не отъ временъ Никоновыхъ, но прежде; поелику Никошъ патріаршествовалъ въ Москвѣ, какъ всеѣмъ извѣстно, послѣ путешествія Арсеніева въ Грецію. Самц себя обличаютъ! Но послѣдователи ихъ помраченныя злобою, сего не видятъ. Что касается до *Арсенія*, то ону въ своемъ Поклонникѣ, въ седьмой надесять тетради, ясно свидѣтельствуеетъ, что Свѣтъ или Огнь небесный при его бытности Патріархомъ Паисіемъ отъ Святаго Гроба изнесенъ былъ. Тутъ же на поли, въ доказательство о Святомъ Свѣтѣ, написано: «Книга Нектарія, патріарха Іерусалинскаго листъ 207», Сей патріаршествовалъ въ Іерусалимѣ, послѣ Паисія, при которомъ былъ Арсеній. Его повѣствованіе о Святомъ Свѣтѣ, какъ слышалъ я, отъ

читавшихъ оное, подобно вышеупомянутому сказанію Преосвященнаго Мисаила, и приводятся тамо въ доказательство святые отцы *Григорій Нисскій* и *Іоаннъ Дамаскинъ*. Сіи Святые мужи сами были въ Іерусалимѣ, и перваго о Святомъ Свѣтѣ въ словѣ второмъ о Воскресеніи есть сицевое: *«Сія видѣ Петръ вѣрилъ, видѣлъ же не точію чувственнымима очима, но и высокими апостольскимъ умомъ. Исполненъ убо былъ Гробъ Свѣта, такъ что хотя и ночь была, однако дѣла образы видѣлъ внутренняя—чувственнѣ и душевнѣ. Аще убо свѣтъ праведнымъ присно, яко-же есть писано, то кольми паче у Бога праведныхъ»*. Второй же 8 гласа, въ Воскресномъ первомъ сѣдальнѣ, второмъ стихѣ, пишетъ тако: *Скорый Петръ предста Гробу, и свѣтъ зря во гробѣ ужасашеся. Тѣмъ же и увидѣ плащаницы, кромѣ Божественнаго тѣла, въ немъ лежащія и пр.*

Помянутые Олонецкіе лжецы, въ прельщеніе людей претворяются вѣрить и признавать за справедливое, что въ Москвѣ до Никона Патріарха или до поправленія книжнаго напечатано,—самымъ же дѣломъ чужды сего. Въ книгѣ *о вѣрѣ*, печатанной въ Москвѣ въ лѣто 1756 при патріархѣ Іоси-

ФѢ, во главѣ первой о церкви Сіонской показано, что: *«на всяко лѣто, въ великую субботу, вечеръ, огонь, ваче же святыи свѣтъ на Гробѣ Христовѣ видѣнъ бываетъ, и внутрь гроба исполняетъ, и кандила окрестъ тамо висящая отъ того огня, или свѣта возжигаются и свѣтлѣ свѣтятъ.* И мало ниже, по сравненію другой матеріи, доказывается, что сей невещественный Огнь на Гробѣ Христовѣ всегда являтися имѣеть. Но сынове тьмы раскольники не взирають на сіе, коихъ мы, яко враговъ церкви Сіонской, имѣющихъ по воспѣванію св. Іоанна Дамаскина, яко трава огнемъ изсохнутъ, отъ себя отряся, пойдѣмъ къ подлежащему.

О самовжигавшихся кандилахъ, внѣ св. Гроба, я кромѣ повѣсти, найденной въ книгохранильницѣ монастыря св. Саввы, ни чего сказать не могу. И отъ сея повѣсти, которая положена въ греческомъ Проскинитаріи, печатанномъ въ Вѣнѣ 1787 года, о томъ вкратцѣ извѣщаю: «Въ царство Константина Багрянороднаго, нѣкто изъ синклита именемъ Никита, пріѣхалъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Іерусалимъ, бывшій въ обладаніи Старацинъ. Въ то время также

прибыль изъ Багдада Амиръ. Сей не допускалъ православныхъ въ Великую Субботу въ церковь ко Гробу Господню, ежели ему не дадутъ прежде седьмъ тысячъ золотыхъ. Патріархъ, не имѣя у себя и четвертой доли сихъ денегъ, прибѣгаетъ съ своимъ народомъ къ Богу и просить Его защищенія. Скорый въ помощи, и щедрый въ милости Господь, видя нужды и озлобленіе рабовъ своихъ — являетъ чудеса. Врата Великой Церкви заключенныя отъ Амира, сами отверзаются; кандила, висящія надъ мѣстомъ Снятія (со креста), надъ Гробомъ Господнимъ, на Голгоѣ и другихъ мѣстахъ, никѣмъ не возжженныя, начали горѣть, а притомъ вшедшу Амиру въ Церковь, и другія чудесныя явленія при очахъ его происходили. Симъ онъ удивленный, повелѣлъ Патріарху съ Христіанами по волѣ своей отправляти праздникъ.

Въ царство султана *Мурата Правдиваго*, Армяне просили Іерусалимскаго пашу, вѣщавая ему денегъ, сколько хочетъ, дабы только позволилъ имъ однимъ быть въ храмѣ Воскресенія Христова въ Великую Субботу. Паша, бывъ убѣжденъ деньгами, позволилъ. Греки не бывъ внутрь допущены,

стояли внѣ предъ заключенными вратами, моляся со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ, дабы Богъ, презря ихъ согрѣшенія, явилъ милость и человѣколюбіе свое. Приближающуся же часу, въ который обыкновенно бываетъ чудо, вдругъ разсѣлся одинъ изъ столповъ, которые суть въ стѣнѣ предъ святыми вратами и изшелъ святыи свѣтъ. Сіе видя Патріархъ притече со тщаніемъ и возже отъ онаго свѣщи. Потомъ, возшедши на свое мѣсто, раздѣлилъ Свѣтъ православнымъ для ихъ обрадованія и освященія. Они жъ возжегши свѣщи въ рукахъ своихъ держалися и исполнившись велія духовныя радости, всеильному Богу воздали благодареніе, яко услышавъ правовѣрующихъ въ Него, и сотворилъ волю ихъ. Армяне, совсѣмъ не вѣдая о святомъ свѣтѣ, яко оный снисшелъ къ православнымъ, ожидали онаго къ себѣ внутрь Гроба, сильнымъ гласомъ, яко ваалитяне, вопія тщетно. Турки же стрегущіи св. врата, видя такое чрезвычайное чудо, тотчасъ отворили оныя. Патріархъ, входя съ множествомъ православныхъ внутрь величественнаго храма, торжественно восклицалъ: *Кто Богъ велиій, яко Богъ нашъ? Ты еси*

Богъ творяй чудеса! и такъ Божественную литургію тогда совершалъ и Пасху праздновалъ съ народомъ своимъ. Въ то время одинъ Эмиръ отъ предстоявшихъ тутъ военнослужителей (турецкихъ), видя что разсѣлся столпъ, и изшелъ Святый Свѣтъ, вдругъ увѣровалъ во Христа, и исповѣдуя Его Сыномъ Божіимъ и Богомъ Истиннымъ и совершеннымъ человѣкомъ, велимъ гласомъ возопилъ: *«едина есть вѣра христіанская!»* и вонзилъ въ одинъ камень три гвоздя, случившіеся въ его рукахъ, говоря: *такимъ образомъ да вонзятся сіи въ очи невѣрующихъ во святой Свѣтъ, яко оный есть истинный и святой,* Турки, при семъ находившіеся, слыша его тако глаголюща, связавъ, предали его огню предъ святыми вратами. Камни, на которыхъ сей новый исповѣдникъ и мученикъ Христовъ былъ сожженъ, донинѣ знаки огня на себѣ показываютъ. Части же неизвѣстно какія, кусочками отъ сожженія оставшіеся сохраняются въ Воскресенскомъ храмѣ и въ монастырѣ Введенія Пресвятыя Богородицы, какъ выше о семъ сказано.

Сіе повѣствованіе впрочемъ подтверждаетъ и даетъ ему несомнѣнную имовѣрность та

каменная четырехугольная плита, на коей все сіе происшествіе изображено на Арапскомъ языкѣ! Плита сія всѣми видимая, на площади близъ св. вратъ вложена снаружи въ восточную олтарную стѣну св. шетыредесяти мучениковъ церкви, смежной своею сѣверною стѣною полуденной великой церкви стѣною же, протягающеюся отъ святыхъ вратъ на западъ. Просилъ я Гефелманскаго Геромонаха, который былъ природный Арапъ, дабы для свѣдѣнія мнѣ года, мѣсяца и числа, въ которомъ содѣлалось сіе чудо, прочелъ начертаніе. Сколько онъ ни старался, не могъ исполнить по причинѣ, что плита отъ полукаменная, которымъ устлана площадь, высоко поднята, а при томъ нѣкоторыя буквы испортились отъ долготы времени и высоты мѣста, приставить же лѣстницу, по политическимъ обстоятельствамъ было невозможно.

VII.

Андрей Никол. Муравьевъ, знаменитѣйшій изъ духовныхъ писателей нынѣшняго столѣтія, въ книгѣ Путешествіе ко св. мѣстамъ,

изданной въ 1832 году, С-Пб., пишетъ о святомъ Огнѣ слѣдующее:

Поклонники стекаются въ храмъ *менѣе* для праздника *Пасхи*, нежели для Святаго Огня, ежегодно возжигающагося на великомъ Гробѣ къ общей радости христіанъ востока, почитающихъ огонь сей вѣрнымъ залогомъ плодородія. Даже въ самое то время, когда я говорилъ съ Архіереями, ожиданіе онаго было виною жестокой драки въ храмѣ между Арабами и Армянами. Первые, гордясь древнимъ своимъ правомъ, не хотѣли дать мѣста послѣднимъ, только недавно испросившихъ силою денегъ въ Царьградѣ, полученіе св. Огня изъ рукъ собственнаго Архіерея. Мусселинъ бросился со стражами въ раздраженную толпу и самъ едва не сдѣлался жертвою ярости народной, однакоже усмирилъ смятеніе.

По краткости времени я не могъ подробно самъ узнать о начатіи торжества св. Огня въ Іерусалимской церкви, которое теряется въ глубокой древности. Сколь велика и священна въ православномъ отечествѣ нашемъ молва о возженіи св. Огня, столь тягостно для взоровъ и сердца зрѣлище бывающихъ

при ономъ безпорядковъ въ Иерусалимѣ. Когда я возвратился опять въ Храмъ, онъ уже былъ наполненъ народомъ. Мусселинъ, къ общему неудовольствію католиковъ, сидѣлъ на ихъ хорахъ: Арабы тѣснились около самой часовни гроба. Ихъ радостныя, но дикія скаканіе и шумныя вопли: «нѣтъ вѣры, кромѣ вѣры православной!» заглушаютъ даже звукъ благовѣста. Такое смятеніе царствовало въ храмѣ, когда драгоманъ патриаршій привелъ въ соборный алтарь Архіереевъ Армянскаго и Коптскаго, просить участія въ св. Огнѣ у митрополита Петры Аравійской *Миссаила*, по страшинству и по уваженію народа уже сорокъ лѣтъ совершающаго обрядъ сей. Принявъ благословеніе отъ намѣстника и, собравъ поясомъ свои широкія одежды чтобы сохранить ихъ въ цѣлости посреди черни, они пошли облачаться въ свои придѣлы и потомъ стали близъ часовни Гроба, запечатанной градоначальникомъ, какъ-бы на память той печати, которую въ подобный день возложилъ Пилать на сію же скалу.

Но какая разность въ ожиданіяхъ! Не въ страхѣ дивнаго воскресенія запечатанъ былъ нынѣ утесъ, но дабы воспретить Грекамъ

тайно внести въ него Огонь, до возженія новаго; ибо всѣ прочія лампы и свѣчи погашены были въ храмѣ, кромѣ придѣла католиковъ, кѣторые никогда нѣ принимаютъ участія въ семь торжествѣ. Прежде однакоже его начала, отворяють на мигъ двери часовни игумену храма и онъ ставитъ на св. Гробъ не зажженную лампаду, вмѣстѣ съ двумя пуками свѣчь, изъ 33 каждый, въ память годовъ Христовыхъ, и кладетъ хлопчатую бумагу, дабы собирать ею св. Огонь, появляющійся, какъ говорятъ, малыми искрами на мраморной плитѣ,

Тогда начался изъ олтаря крестный ходъ. Духовенство вслѣдъ за митрополитомъ, трижды обошло утесъ съ пѣсню: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангелы поють на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити!» Оно снова возвратилось въ олтарь, оставивъ одного намѣстника предъ дверьми св. Гроба. Стража Арабская сняла съ нихъ печать и впустила Святителя въ таинственный мракъ часовни. Вмѣстѣ съ нимъ, къ сильному негодованію православныхъ и въ первый разъ со времени существованія храма вошелъ Архіерей Армян-

скій, но остановился въ первомъ придѣлѣ Ангела. Снова заключились двери, и всеобщее глубокое молчаніе водворилось въ обширномъ храмѣ, внезапно затихшемъ, безъ признака жизни... Одно истинно высокое мгновеніе во всемъ обрядѣ! Арабы въ тайномъ страхѣ, ожидали св. Огня, какъ-бы не на его обычное возженіе.— Вдругъ появилось пламя въ двухъ тѣсныхъ придѣлахъ Ангела и было схвачено съ правой стороны часовни Армянами, съ лѣвой же засвѣтился желѣзный фонарь, который былъ доставленъ по веревкамъ на хоры, и оттолѣ церенесень въ Соборный олтарь, на тотъ случай, если-бы погасъ Огонь въ рукахъ митрополита.

Въ то же мгновеніе открылись двери св. Гроба и вышли оба Архіерея, подавшіе сквозь окна огонь сей, дабы нѣсколько отвлечь толпу, чрезъ которую Армяне понесли на хоры своего Епископа. Митрополить же, чтобы отбиться отъ народа, стремившагося зажечь изъ рукъ его свѣчи, былъ принятъ на плечи Арабовъ и поставленъ на возвышенное мѣсто въ главномъ олтарѣ. Жалко было видѣть почтеннаго, осьмидесятилѣтняго Мисаила въ одномъ подризникѣ, безъ

сакоса, безъ митры, въ столь странномъ торжествѣ несомато полунагимъ Арабомъ прямо въ царскія врата, при шумныхъ восклицаніяхъ народа, при дымномъ свѣтѣ безчисленныхъ свѣчь, мгновенно озарившихъ весь храмъ, которыми какъ безумные махали дикіе поклонники, опаляя даже собственное тѣло, въ надеждѣ многочадія. Посреди общаго смятенія началась литургія Великой Субботы, потюпившая конецъ сему зрѣлищу, при которомъ чувство благоговѣнія невольно смѣшивалось съ чувствомъ горести отъ неблагочинія, слишкомъ господствующаго окрестъ столь неприступной святыни.

VIII.

Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, бывшій минитеръ Народнаго Просвѣщенія въ Россіи, извѣстный русскій писатель, путешествовавшій въ Палестину въ 1835 году, въ книгѣ своей, «Путешествіе по св. Землѣ», изданной въ 1838 году, въ первой части о Святомъ Огнѣ свидѣтельствуешь, какъ очевидецъ:

Растворились царскія двери Греческаго олтаря, толпа раздвинулась, открывъ путь ко

Гробу Господню и разоблаченный митрополитъ, въ одномъ бѣломъ подризникѣ. съ связкою незажженныхъ свѣчей въ рукахъ, для принятія св. Огня направился къ часовнѣ Гроба Господня, предшествуемый всѣмъ духовенствомъ, въ бѣлыхъ ризахъ, блестящихъ золотомъ. Митрополитъ удостоилъ дать намъ мѣсто велѣдъ за собою: Толпы дикихъ и безумствовавшихъ Арабовъ пребыли мирны, какъ агнцы, лишь нѣкоторые вырывались иногда изъ рядовъ, чтобы поцѣловать одежду митрополита или только коснуться ея, немооря на всѣ воспрещенія и угрозы предводившаго процессію, янычара.

Такимъ образомъ мы достигли часовни Гроба Господня среди чуднаго зрѣлища народа, волнуемаго, или нависшаго со всѣхъ аркадъ и карнизовъ. Въ часовню Гроба Господня вошли за митрополитомъ, только одинъ изъ греческихъ епископовъ, архіерей армянскій (недавно получившій на это право), Русскій консулъ изъ Яфы и мы трое путешественниковъ. За нами затворились двери. Никогда-неугасающія лампы надъ Гробомъ Господнимъ, были уже потушены, одно слабое освѣщеніе проходило къ намъ изъ

храма сквозь боковыя отверстія часовни. Эта минута торжественна: волненіе въ храмѣ утихло; все исполнилось ожиданія. Мы стояли въ придѣлѣ Ангела, предъ отваленнымъ отъ вертепа камнемъ; одинъ только митрополитъ вошелъ въ вертепъ Гроба Господня.

Я уже сказалъ, что входъ туда не имѣетъ дверей. Я видѣлъ, какъ престарѣлый митрополитъ, сконяся предъ низкимъ входомъ, вошелъ въ вертепъ и повергся на колѣни предъ Святымъ Гробомъ, предъ Которымъ ничего не стояло и Который былъ совершенно обнаженъ.

Не прошло минуты, какъ мракъ озарился свѣтомъ,—и митрополитъ вышелъ къ намъ съ пылающимъ цукомъ свѣчей.

Едва только Свѣтъ Огня блеснулъ сквозь отверстія часовни, какъ безмолвіе толпы замѣнилось самыми несбзданными восклицаніями и буйнымъ волненіемъ. Не довольствуясь огнемъ, поданнымъ народу чрезъ боковыя отверстія часовни, Арабы вломилась въ запертыя двери, сколько для принятія Св. Огня изъ первыхъ рукъ, столько же и для достиженія чести нести митрополита по обычаю и по необходимости на плечахъ, до

соборнаго олтара. Одинъ изъ арабовъ, въ безумномъ изступленіи, впился зубами въ мою руку, чтобъ вырвать у меня зажженную свѣчу. Часовня Гроба Господня, которая едва можетъ вмѣстить въ себѣ нѣсколько болѣе десяти человѣкъ вдругъ наполнилась до невозможности толпою и превратилась въ одну живую груду съ пылающими свѣчами, и въ довершеніе смятенія, двери часовни опять закрылись отъ вновь нахлынувшей толпы. Тутъ положеніе наше сдѣлалось ужаснымъ, и если бы оно продолжалось нѣсколько долѣе, то всѣ бы находившіеся въ часовей погибли. Воздухъ отъ огня свѣчей, то загорающихся, то погасающихъ, дѣлался уже едва выносимъ человѣку. Столѣтній митрополитъ совсѣмъ уже изнемогалъ отъ духоты, дыма и шума;—тѣ, которые не совсѣмъ потерялись, уговорили его довѣриться первому арабу, и посадили его, почти безчувственнаго на плеча этаго араба. но и тутъ еще мы не могли растворить дверей отъ напиравшей толпы. Наконецъ, усилія и громкія воззванія сквозь двери къ изступденной толпѣ, открыли намъ выходъ; толпа разступилась дредь несомымъ на плечахъ

араба изнеможеннымъ митрополитомъ; тогда народъ опять сомкнулся, и какъ быстрый потокъ, устремился вельдъ за митрополитомъ къ Греческому олтарю. Одинъ изъ арабовъ, видя меня почти запертаго народомъ, знаками показалъ мнѣ, чтобъ я обхватилъ его за шею, и повлекъ меня, среди стремившейся толпы, но скоро я былъ сорванъ съ его плеча, тогда другой изъ арабовъ, съ которымъ мы были уже знакомы, видя мое положеніе по причинѣ моей раны,—оказалъ мнѣ ту же помощь и довлекъ меня до олтаря.

Богослуженіе остановилось... Митрополита оттирали и освѣжали разными эссенціями, въ ризницѣ, куда мы и послѣдовали.

Только послѣ получасоваго отдыха, между тѣмъ какъ священный огонь перѣходилъ все еще изъ рукъ въ руки, и поднимался съ хоровъ на хоры, выше и выше—обѣдня началась. Промежутокъ между вечернею Субботы и воскресною заутреней, былъ весьма малый, отъ утраты времени въ продолженіи смуть. Глубоко-трогательная заутреня и обѣдня Свѣтлаго Христова Воскресенія—были совершены въ самомъ вертепѣ Гроба Господня. Евангеліе было читано на языкахъ Греческомъ

и Русскомъ. Во время крестоносцевъ, при служеніи латинской литургіи Воскресенія Христова, діаконъ, читая Евангеліе, при словахъ: «Исуса распятаго ищите; нѣсть здѣ», указывалъ перстомъ на вертепъ Гроба Господня; а при словѣ «возста!» указывалъ на небо. Евангельскія слова: «видите, идѣ же лежа Господь» и «нѣсть здѣ» были нѣкогда начертаны надъ входомъ въ вертепъ Гроба Господня. и два Ангела, изображенные одесную и ошуюю отъ входа, показывали на нихъ.

Таково во Іерусалимѣ знаменитое торжество, которое предшествуетъ Свѣтлому Христову Воскресенію. Это торжество сопряжено всегда съ опасностію для многихъ, даже иногда и для митрополита.

Находившись самъ, въ этотъ торжественный день во внутренности часовне Гроба Господня, я рассказалъ то, что видѣлъ. Еще никто изъ путешественниковъ писавшихъ о Палестинѣ, не имѣлъ этого случая, почему и считалъ долгомъ сказать сколь не умѣренны и далеки отъ истины порицанія католиковъ противу Грековъ: Кварезмій, и за нимъ другіе католическіе писатели о Палестинѣ увѣряютъ,

что спрятанный заранѣе въ пещерѣ Гроба Господня арабъ (говоря ихъ словами) зажигаетъ лампаду при вступленіи туда греческаго митрополита. Еслибъ что либо подобное могло быть, то конечно бы, я частный путешественникъ, не былъ бы допущенъ въ святилище. Латинцы, менѣе чѣмъ другіе могутъ возставать противъ этого; я буду имѣть случай разсказать послѣ мой разговоръ объ этомъ предметѣ съ настоятелемъ латинскаго монастыря въ Іерусалимѣ. Негодованіе католиковъ происходитъ болѣе отъ того, что принятіе св. Огня издревле принадлежитъ Православной грековосточной церкви. Мы видимъ изъ разсказа Игумена Даниіла, что даже при крестоносцахъ, въ присутствіи короля Балдуина, въ день Великой Субботы, духовенство Греческое, а не Римское, было собрано для испрошенія свыше Святаго Огня, тогда латинцы не говорили о злоупотребленіяхъ Грековъ, а напротивъ самъ король Балдуинъ, въ присутствіи всего духовенства, принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ отъ Греческаго епископа первую возженную отъ Святаго Огня свѣчу, и отъ нея всѣ предстоявшіе возжгли свои свѣчи. Мы не имѣемъ поло-

жительнаго свѣдѣнія о времени, *когда произошло первое чудесное явленіе Святаго Огня.* Полагаютъ, что древнѣйшее преданіе о подобномъ событіи принадлежитъ концу втораго столѣтія. Повѣствуютъ, что Епископу Іерусалимскому *Нарцису*, извѣстному святостию своей жизни, и чудесами, донесли однажды въ Великую Субботу, что недостаетъ елея для лампадъ церкви Гроба Господня; онъ велѣлъ принести воды. и соверша надъ нею молитву, съ твердою вѣрою велѣлъ налить воду въ лампы.—и она обратилась въ елей; но это не святой Огонь. Монахъ Бернардь въ концѣ IX столѣтія говоритъ уже положительно о святомъ Огнѣ, а наконецъ о томъ же пишутъ современные историки крестовыхъ походовъ.

Послѣ обѣдни, мы разговѣлись пасхою, яйцами и легкимъ ужиномъ за братсксю трапезою у священнаго старца Митрополита.

Я очень желалъ сойтись съ латинскими монахами дружественно. Бесѣдуя однажды съ ними въ душевномъ прискорбіи о распряхъ, раздѣляющихъ христіанскія церкви въ Іерусалимѣ я слышалъ жалобы отъ ихъ настоятеля на Грековъ; онъ упрекалъ ихъ, между прочимъ за святой Огонь; онъ при-

бавиль, что говорить мнѣ о томъ, какъ европейцу. Я отвѣчалъ, что если онъ принимаетъ это за обрядъ, то и въ такомъ случаѣ обрядъ этотъ освященъ столѣтіями, и что Римская церковь не имѣетъ права на такой упрекъ; что мнѣ Италія коротко знакома, что и я также отнесусь къ нему, какъ европейцу, о совершаемомъ обрядѣ въ Нѣ-аполѣ, въ церкви св. Яннуаріѣ, когда хранящая въ стклянкѣ кровь мученика будучи вынесена предъ народомъ, начинаетъ кипѣть. Тутъ настоятель воскликнулъ: *ma questo e in vero miracolo!* (это настоящее чудо!) и не внималъ никакимъ возраженіямъ; — если это такъ, сказать я ему, то позвольте мнѣ болѣе вѣрить чуду, совершающемуся на Гробѣ Самаго Спасителя, чѣмъ чуду св. Яннуарія

IX.

Викторъ К. Каминскій, встрѣчавшій праздникъ Пасхи въ Иерусалимѣ, 8 Апрѣля 1851 г., въ книгѣ своей «Воспоминанія поклонника святой земли» (издан. 1855 г. Спб.) явленіе св. Огня описываетъ такъ:

Въ Великую Субботу выслушавъ заутреню и обѣдню въ своей церкви, я пошелъ въ храмъ Воскресенія. Всѣ ярусы храма были наполнены народомъ, ожидавшимъ времени явленіи благодатнаго Огня. Я помѣстился въ главномъ олтарѣ. Въ то время въ цѣломъ храмѣ и въ св. пещерѣ погашены были всѣ свѣтильники; арабы продолжали еще кричать, и пришли почти въ изступленіе, когда, въ два часа пополудни, увидѣли митрополита, шедшаго для испрошенія свыше св. Огня. Явленіе этого Огня описано многими путешественниками и даже самыми древними. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что они присутствовали въ это время въ придѣлѣ Ангела, и были очевидцами его явленія на Гробѣ Божіемъ.

Митрополитъ Мелетій облачился въ олтарѣ, и вмѣстѣ съ армянскимъ епископомъ вошелъ въ пещеру св. Гроба. Въ это мгновеніе во всемъ храмѣ водворилась совершенная тишина, самое благоговѣйное ожиданіе и внутреннее общее участіе въ молитвѣ—вошедшихъ въ пещеру. Безмолвіе это по истинѣ было трогательно, еслибы, кажется, никого не было въ храмѣ, то и тогда въ немъ же

могло бы быть тише, какъ въ это время, при нѣсколькихъ тысячахъ народу!

Это продолжалось минутъ 15: наконецъ митрополитъ вышелъ къ народу, держа въ рукѣ пучекъ зажженныхъ свѣчей; отъ этого огня зажгли свои свѣчи—армянскій епископъ и греческій іереодіаконъ. Послѣдній пробрался чрезъ толпу въ олтарь съ своимъ факеломъ, и вручилъ его игумену св. Гроба, и отъ него уже зажигали ближайшіе къ нему, и передавали одинъ другому.

Горѣвшіе пучки состояли, по, большей части изъ тридцати трехъ тонкихъ свѣчей, въ память числа лѣтъ, проведенныхъ Спасителемъ на землѣ. Вскорѣ, вся церковь, отъ низу до самаго купола запылала огнями. Радость благочестивыхъ христіанъ была самая искренняя, особенно ревностныхъ арабовъ, которые выражали ее ужаснѣйшимъ крикомъ, и виновника общей радости митрополита Мелетія, отъ самой часовни до главнаго олтаря принесли на рукахъ. Всѣ радостно поздравляли другъ друга. Большая часть бывшихъ здѣсь понесли этотъ огонь въ свои деревни и дома. По общему повѣрыю страны, въ томъ домѣ будетъ благополучіе во весь годъ, куда донесутъ этотъ огонь.

Х.

Инокъ Парфеній, іеромонахъ, постриженникъ св. Аѳонской горы, впоследствіи игумень Гуслицкаго монастыря, путешествовавшій съ 1841 по 1846 г. по Россіи, Молдавіи, Турціи и св. землѣ (М. 1855 г.), а съ 1870 по 1871 повторившій свое путешествіе («Душеполезное Чт.» 1872 г. № 5 и 6, стр. 70—93 и 159—185)—пишетъ о Святомъ Огнѣ:

Когда разевѣло (въ Великую Субботу) начали огни и лампы гасить, и нигдѣ не оставили ни единой лампы горящей. Турки отворили Божій Гробъ и внутри погасили все лампы. Потомъ пришло Турецкое начальство и самъ Паша; кругомъ Христова Гроба стало множество воиновъ сооруженныхъ. И во храмъ все перемѣнилось, все ирїуныли, а арабы прїохрипли и изнемогли. Въ храмъ тѣснота и духота необыкновенная. Вверху, на всехъ хорахъ въ четыре ряда набито народу, и на всехъ иконостасахъ и куполахъ полно людей; все держатъ въ обѣихъ рукахъ по 33 свѣщи, во образъ Христовыхъ лѣтъ. Огня нигдѣ нѣтъ.

Патріархъ съ консулами вошелъ на передній иконостасъ. А Мелетій, митрополитъ заіорданскій съ прочими владыками сидѣли въ олтарѣ, пріунывши и головы повѣсили, Въ храмѣ распоряжаются магометане, съ военнымъ оружіемъ; арабы бѣгать уже перестали, но стоятъ поднявши руки на небо, и умиленные гласы испускають; христіане всѣ плачуть, или непрестанно воздыхають. И кто-бы могъ тогда удержаться отъ слезъ, видя столь великое множество людей со всѣхъ сторонъ вселенной, плачущихъ, рыдающихъ и отъ Господа милости просящихъ? Но радостно было видѣть, что теперь и нехотя прочіе христіане святую православную Греческую вѣру и православныхъ христіанъ уважають, и на православныхъ христіанъ, яко на пресвѣтлое солнце взирають: ибо вси надѣются получить благодать Святаго Духа Свѣта, токмо отъ православныхъ. Прошли въ олтарь армянскій Патріархъ съ двумя архіереями и Коптскій Митрополитъ, поклонились митрополиту Мелетію и прочимъ Владыкамъ, и просили, чтобы когда получаютъ благодать Святаго Свѣта—удѣлили и имъ. Митрополитъ Мелетій со смиреніемъ отвѣтилъ, и велѣлъ

имъ молиться Богу; и они пошли въ свое мѣсто. Потомъ были сняты царскія врата, и повѣшены другія съ отверстіемъ. Не можно описать, что тогда было въ храмѣ: яко-бы ожидали всѣ втораго пришествія Царя Небснаго: на всѣхъ напалъ страхъ и ужасъ; сами Турки пріуныли. Больше въ храмѣ ничего не слышно, какъ только воздыханія и стоны. И митрополитъ Мелетій слезами омочалъ свое лицо. Потомъ самъ Турецкій паша съ прочими начальниками пошелъ во внутрь ко гробу Божию повѣрять—не осталось ли гдѣ огня. И когда вышли, гробъ запечатали. Но туда еще прежде отнесли великую лампаду, налитую до самаго верха елеемъ, и въ нее пущена великая свѣтильня, и поставили лампаду посреди Христова Гроба. Уже кругомъ кувукліи христіанъ близко нѣтъ, а одно турецкое начальство. А съ хоръ спущено было на веревкахъ множество желѣзныхъ рѣшетокъ съ пучками свѣчъ. Когда пробило восемь часовъ, порусски два часа съ полудня, тогда начали готовиться къ крестному ходу. Архіереи, священники и дьяконы, облачившись во всю священную одежду, взяли всѣ по тридцати по три свѣщи

безъ огня. Потомъ подали изъ олтаря чрезъ царскія врата 12 хоругвей и взяли кто могъ. Воины очистили путь, и пошли съ хоругвями пѣвчіе. Потомъ изъ олтаря, въ царскія врата, пошли по два въ рядъ діаконы, священники, игумены и архимандриты, потомъ архіереи, а позади всѣхъ митрополитъ Мелетій, и пошли прямо ко Гробу Господню. Обошли его кругомъ трижды, поюще: *«Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподобн чистымъ сердцемъ Тебе славити»*. Кончивши ходъ, все духовенство скоро пошло въ олтарь и съ хоругвями, остался одинъ митрополитъ Мелетій у дверей Гроба, въ рукахъ Турокъ. Турки его разоблачили, и сами начальники всего его обыскали. Потомъ надѣли на него подризникъ и омофоръ и отворили Вожій Гробъ, и впустили его во внутрь. О, какой тогда напалъ страхъ и ужасъ на всѣхъ тамъ бывшихъ! Всѣ рыдали и воздыхали, и просили Господа Бога да не лишитъ Своея благодати, Небеснаго Своего Свѣта. Прошло нѣсколько времени, не знаю много или мало; ибо всѣ были внѣ себя отъ какого-то страха; только вдругъ около Гроба Божія возсіялъ свѣтъ; вскорѣ свѣтъ пока-

зался и изъ олтаря въ царскія врата, въ отверстіе. И текли яко двѣ огненныя рѣка, одна отъ запада, отъ Божія Гроба, а другая съ востока отъ олтаря. О, какая тогда въ храмъ сдѣлалась радость и ликованіе! Сдѣлались всѣ яко пьяны внѣ себя и не помили кто что говорилъ, или кто куда бѣжить. И поднялся по всему храму великій шумъ; всѣ бѣгаютъ, всѣ восклицаютъ съ веселіемъ и благодареніемъ, а наипаче арабскія жены. Сами Турки, магометане, пали на колѣна и кричали: алла, алла! т. е. Боже! Боже! О, странное и преславное видѣніе! Весь храмъ обратился въ огонь: больше въ храмъ ничего не видно, кромѣ небеснаго свѣта. Вверху и внизу и по всѣмъ хорамъ разлился святой свѣтъ, и сдѣлался послѣ по всему храму дымъ. И пошелъ народъ со свѣтомъ, большая половина вонъ, и понесли по всему Іерусалиму каждый въ свой домъ, и по всѣмъ монастырямъ.

Митрополить заіорданскій, когда входитъ во внутрь Гроба—обрѣтаетъ великую лампаду, стоящую на Христовомъ Гробѣ, саму о себѣ возжегшуюся, а иногда при немъ нечаянно загорится. Но только самъ онъ ни-

когда не видалъ, какъ она загорается. Въ Иерусалимѣ, я отъ многихъ слышалъ, которыми самъ митрополитъ сказывалъ по откровенности, сіе: Иногда я взйду, а она уже и горитъ; тогда и я скоро вынесу; а иногда войду, а лампада еще не горитъ, тогда я паду на землю отъ страха и со слезами начинаю просить милости отъ Бога. Когда втану,—лампада уже горитъ, и я зажигаю два пука свѣчей, выношу и подаю. Митрополитъ выноситъ свѣтъ въ притворъ и вкладываетъ пуки въ желѣзные фонари, и подаетъ отъ Гроба въ отверстія, для того устроенныя правою рукой—православнымъ, а лѣвой армянамъ и прочимъ. Православныхъ арабовъ цѣлая толпа стоитъ подлѣ отверстія. И какъ только митрополитъ покажетъ святой свѣтъ,—одинъ арабъ, схвативши, бѣжитъ прямо въ олтарь; а оттуда въ царскія врата раздають народу; а подлѣ отверстія, едва только одинъ успеетъ запалить свѣчи. Митрополитъ же паки обращается ко Христову Гробу, и еще зажигаетъ два пука и выходитъ изъ дверей Гроба. Арабы же самые сильные стоятъ у дверей Гроба и его дожидають. Только онъ выйдетъ, держа въ рукахъ по тридцати по

три свѣщи горящихъ, арабы взявши его на свои руки, несутъ прямо въ олтарь. Народъ весь бросается къ нему, всѣмъ желательно прикоснуться къ его одеждѣ. И едва съ великимъ трудомъ могли его донести до отгара: и посадили его на стулъ, онъ ирседѣть всю литургію, яко внѣ себя, наклонивъ главу; очами не смотрѣлъ и устами ничего не провѣщалъ, и никто его не беспокоилъ. Когда унесли его отъ Гроба, народъ бросился во внутрь Гроба прикладываться; и я сподобился приложиться. *Весь Христовъ Гробъ былъ мокрый, якобы дождемъ вымоченъ, но я не могъ узнать отъ чего это.* Посреди Гроба стояла великая лампада, которая сама зажигалась и великимъ свѣтомъ горѣла.

XI.

Варвара Брюнъ де-Сентъ Ипполитъ, путешествовавшая въ Іерусалимъ въ 1859 году, въ сочиненіи своемъ «Торжество Пасхи въ Іерусалимъ» (Странн. 1850 № 4, I отд. стр. 107—116) описываетъ тождественно съ другими, явленіе св. Огня:

Въ прошломъ 1859 году я отправилась въ

Іерусалимъ, желая поклониться св. Гробу въ уединеніи... Но Божию Милосердію угодно было даровать мнѣ возможность видѣть то, какъ въ Іерусалимѣ совершается торжество торжествъ православной нашей церкви. Позвольте подѣлиться съ вами тогдашними моими впечатлѣніями.

Прежде всего скажу о сошествіи благодатнаго Огня въ Великую Субботу, совершающемся ежегодно въ одно и тоже время, надъ самымъ Гробомъ Господа. Пусть ученые естествоиспытатели придутъ и посмотрятъ на это чудесное явленіе, которое объявить умъ человѣческій ни какъ не въ состояніи. Положившій предѣль морскимъ волнамъ, остановилъ здѣсь полетъ гордаго ума и плѣняетъ его въ послушаніе вѣры.

Въ Великую Субботу въ Феодоровскомъ монастырѣ, рано утромъ всѣ поклонницы ленточками связывали въ пучки маленькія пестрыя свѣчи, такъ, чтобы каждый пучекъ состоялъ изъ 33 свѣчей, въ память числа лѣтъ Христа Спасителя. Въ 10 часовъ утра послѣ обѣдни католической, наши православные на Гробъ Господнемъ потушили всѣ лампы, а въ церкви всѣ свѣчи. Во всемъ городѣ и

даже въ окружности не осталось ни у кого и одной искры огня. только въ домахъ католиковъ, евреевъ и протестантовъ огонь не угасаетъ. Даже Турки слѣдуютъ обычаю православныхъ, и въ этотъ день тоже приходятъ въ храмъ Гроба Господня. Я видѣла, какъ дѣти ихъ держали въ своихъ рукахъ пучки свѣчей и говорили съ нами черезъ переводчицу. Съ этими дѣтьми были и возрастные... Но притупимъ къ описанію самаго событія.

Въ 12 часовъ пополудни, двери храма отворены и соборъ полонъ народомъ. Всѣ бѣзъ исключенія, старыи и малыи, идутъ въ церковь. На переходѣ изъ Воскресенскаго храма въ кувуклію есть особенныя мѣста, гдѣ расположено нѣсколько широкихъ лѣстницъ за рѣшеткой. Съ этихъ возвышеній открывается видъ и на Воскресенскій Соборъ и въ кувуклію. Греки, въ большіе праздники предоставляютъ ихъ русскимъ дамамъ. По множеству народа, мы съ трудомъ пробрались туда. Кавасъ Русскаго нашего преосвященнаго пришелъ и поставилъ насъ на хорошія мѣста. Толпами поклонниковъ не только наполнены были всѣ пять ярусовъ хоръ, но и на стѣ-

нахъ гдѣ только можно было держаться, вездѣ арабы. Одинъ обратилъ на себя особенное вниманіе: онъ узялся на рукѣ канделябра предъ иконою и еще посадилъ на колѣна дочь свою, дѣвочку лѣтъ семи, и во все время оставался на своемъ мѣстѣ.

Въ храмъ набѣжали съ горъ Бедуины съ бритыми головами, женщины съ нанизанными на головѣ и на носу деньгами и прикрытыя бѣлыми чадрами. Съ ними и дѣти разныхъ возрастовъ. Все это суетилось, хлопотало и нетерпѣливо ожидало благодатнаго огня. Между народомъ стояли Турецкіе солдаты и унимали ружьями волнующихся арабовъ. На эту пеструю картину смотрѣли съ любопытствомъ католическіе монахи и іезуиты.

Царскія врата Воскресенскаго собора были отворены и тамъ виднѣлось высшее духовенство всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Іерусалимскому Патріарху нынѣ случилось въ первый разъ присутствовать при этой церемоніи, потому что въ прежніе годы его блаженствъ проживалъ въ Константинополѣ. Однако въ олтарѣ распорядился намѣстникъ его, митрополитъ Петры (митрополія Петры, мѣсто въ каменистой Аравіи за Іорданомъ)

Мелетій, и самъ принималъ благодатный Огонь. Тоже было и теперь. Онъ, отъ Воскресенія (недѣля вай), ничего не вкушалъ, кромѣ просфоры и даже не позволялъ себѣ вышить воды, отчего замѣтно былъ блѣднѣе обыкновеннаго, впрочемъ спокойно говорилъ съ причтомъ. Каждый присутствующій имѣлъ въ рукахъ большой пучокъ свѣчей, а другіе, стоявшіе вверху на хорахъ, спустили на проводахъ нѣсколько такихъ пучковъ, и эти пучки висѣли по стѣнамъ, въ ожиданіи небеснаго огня. Всѣ лампы налиты новымъ масломъ, въ люстрахъ поставлены новыя свѣчи, но фитили нигдѣ не обожжены. Иновѣрцы съ недоувѣрчивостію тщательно вытираютъ всѣ углы въ кувукліи, и сами кладутъ вату на мраморную доску Гроба Господня.

Торжественная минута приближается, у каждаго невольно бьется сердце... такъ какъ всѣ сосредоточены въ одной мысли о сверхъестественномъ явленіи, то у однихъ при этомъ возникаетъ сальное сомнѣніе, другіе болѣе благочестивые, молятся отъ души, съ сердечнымъ убѣждѣніемъ и надеждой на милость Божию; а иные по одному Любопытству, равнодушно ждутъ, что будетъ... Вотъ,

наконецъ лучъ солнца блеснулъ въ отверстіи надъ кувукліей, и освѣтилъ эту картину. Погода ясная, въ воздухѣ жарко, весенній ясный день востока! Вдругъ показалась туча и заслонила то самое отверстіе, въ которое падалъ лучъ солнца. Туча угрожала дождемъ и стояла надъ самой кувукліей Гроба Господня. Я испугалась: мнѣ показалось, что сейчасъ прольетъ дождь на всю эту толпу, что уже не будетъ благодатнаго огня, и что народъ отъ досады растерзаатъ преосвященнаго намѣстника. Сомнѣніе омрачило мое сердце; я стала укорять себя, зачѣмъ осталась. Развѣ недовольно было для меня поклониться Гробу Господню? думала я. Зачѣмъ было ожидать несбыточнаго явленія? и размышляя такимъ образомъ все болѣи и болѣе волновалась. Вдругъ въ церкви все стемнѣло, мнѣ стало грустно до слезъ... Я усердно молилась.... Арабы начали кричать, пѣть, ударяли себя въ грудь, молились вслухъ, поднимали руки къ небу; кавасы и турецкіе солдаты стали унимать ихъ. Картина была страшная. тревога всеобщая!... Между тѣмъ въ олтарѣ начинаютъ облачать Намѣстника — не безъ участія въ этомъ иновѣрцевъ. Клиръ помогъ ему надѣвать серебряный стихарь, подпоясы-

ваетъ его серебрянымъ снуркомъ, обуваетъ, — и все это совершается въ присутствіи духовенства армянскаго, римскаго, протестантскаго. Облачивъ его такимъ образомъ, ведутъ подъ руки съ обнаженной головой изъ Воскресенскаго храма между двухъ стѣнъ солдатъ, въ предшествіи нарядныхъ кавасовъ, до двери кувукліи и запираютъ за нимъ дверь. И вотъ онъ одинъ у Гроба Господня. Опять тишина. Облако спускается на народъ крупной росой....

Въ передней комнатѣ, съ обѣихъ сторонъ кувукліи, есть въ стѣнахъ круглыя отверстія, чрезъ которыя игумены и настоятели окрестныхъ монастырей подаютъ Высокопреосвященную Намѣстнику свѣчи. Нельзя себѣ вообразить ту минуту, когда отворяется дверь за настоятелемъ кувукліи. Въ толпѣ обнаруживается невольное благоговѣніе. Въ ожиданіи знаменія съ Неба, все смолкаетъ... Но не надолго.... вотъ опять безпокойство, — кричатъ, мечутся, молятся, волнуются, снова унимаются.... Вдругъ изъ боковаго отверстія показывается пукъ зажженныхъ свѣчей... Въ одинъ мигъ игумень, архимандритъ Серафимъ передаетъ свѣчи народу. Вверху кувукліи все зажигается: лампы, люстры; всѣ кричатъ,

радуются, крестятеу, плачуть отъ радости; сотни тысячъ свѣчей передають свѣтъ одна другой. Суета... Арабы опаляютъ себѣ бороды, арабки подносятъ огонь къ обнаженной шеѣ. Въ этой тѣснотѣ огонь пронизываетъ толпы; но не было примѣра, чтобы въ подобномъ случаѣ произошелъ пожаръ. Общаго восторга описать нельзя, изобразить картину невозможно: это чудо не изображимое. Послѣ солнца тотчасъ облако, потомъ роса и вслѣдствіе росы—огонь. Роса падаетъ на вату, которая лежитъ на Гробѣ Господнемъ,—и мокрая вата вдругъ загорается голубымъ огнемъ. Намѣстникъ, необожженными свѣчами прикасается къ ватѣ и свѣчи зажигаюцца тусклымъ голубымъ пламенемъ. Зажженные такимъ образомъ свѣчи Владыка передаетъ стоящимъ у отверстій лицамъ. Замѣчательно, что въ началѣ отъ такого множества свѣчей, въ церкви—полусвѣтъ, лицъ не видно, вся толпа въ какомъ-то голубомъ туманѣ, но потомъ все освѣщается и огонь ярко горитъ. Передавъ всѣмъ огонь, намѣстникъ выходитъ изъ кувукліи съ двумя огромными пучками зажженныхъ свѣчъ, будто съ факелами. Арабы по обыкновенію хотѣли нести его на рукахъ, но Владыка отъ нихъ

уклонился и самъ, какъ въ туманѣ, прошелъ скорыми шагами изъ кувукліи въ Воскресенскій Соборъ. Каждый старался зажечь свою свѣчу отъ его свѣчей; я была на пути его шествія и тоже зажгла... Надо было видѣть съ какимъ торжествомъ этого вѣстника благодати Божіей принялъ въ свои объятія Патріархъ, да и всѣ духовные наши наперерывъ обнимали его и принимали изъ святыхъ его рукъ зажженные свѣчи. За этимъ послѣдовала обѣдня, которую служилъ самъ Патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, облеченнымъ въ блестящія золотыя ризы. Между тѣмъ Бедуины, въ дикомъ восторгѣ, берутся въ кружокъ и пляшутъ по срединѣ церкви, какъ бы внѣ себя отъ радости, становятся другъ другу на плечи, поютъ и молятся по своему, пока изнуренные падаютъ. Никто не останавливаетъ ихъ — какъ дѣтей, выражающихъ восторженное состояніе своей души по своему. Послѣ обѣдни всѣ бѣгутъ домой съ огнемъ, зажигать лампы, кто къ Ильѣ Пророку въ крестный монастырь, кто въ Виѣлеемъ, кто въ Гевсиманію. Огни по улицамъ въ продолженіи дня, при солнечномъ свѣтѣ... картина необыкновенная, оригинальная! Это осязательное, такъ сказать,

присутствіе Самого Бога на гробѣ Божественнаго Сына Его, въ землѣ чудесъ и явно развиваешь любовь къ православнои церкви и остается въ памяти неизгладимо...

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха мнѣ нужно было поздравить его высокопреосвященство Намѣстника Петры Мелетія. Хотя во время десятилѣтняго моего пребыванія въ Іерусалимѣ, я привыкла съ нимъ обращаться, какъ съ добрымъ отцемъ, тутъ, представляя въ немъ орудіе небесной благодати, преподанной намъ свыше чрезъ его святыя руки, не смѣла приблизиться къ нему и со страхомъ стояла у порога скормной его кельи. Владыка сидѣлъ на барсовой кожѣ на полу, гдѣ обыкновенно сиживалъ. Замѣтивъ мою робость, онъ улыбнулся и сказалъ: «И чего ты боишься? Вотъ уже «тридцать лѣтъ, какъ Богъ сподобляетъ меня принимать благодатный Огнь. Прежде «ты не боялась меня, не бойся и теперь — «подойди, я тоже грѣшникъ. Христосъ воскрес!» Я ободрилась и подошла, стала на колѣна и приняла его благословеніе. Онъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ, но выраженіе его лица было тѣмъ пріятнѣе и характеризовалось необыкновеннымъ спокойствіемъ.

емь. Онъ смотрѣлъ на меня внимательно и прозорливо, угадывая совершенное мое убѣжденіе въ знаменіи Божіей благодати, — сказалъ: «Нынѣ благодать уже сошла на гробъ Спасителя, когда я вошелъ въ кувукліо: свидно вы всѣ усердно молились, и Богъ суслышалъ ваши молитвы. Бывало долго молюсь со слезами и Огнь Божій не сходитъ съ небесъ до двухъ часовъ, а на этотъ разъ я уже увидѣлъ его лишь только заперли за мною дверь». Я откровенно призналась ему въ колебавшемъ меня сомнѣніи и въ испугѣ отъ набѣжавшаго облака. Потомъ онъ спросилъ: « Не правда ли, что половина церквм была въ тѣни?» Помню, что не принимая еще благодати, я замѣтила это. — «А на тебя пала ли роса благодатная?» я отвѣчала, что и теперь еще видны слѣды на моемъ платьѣ будто восковыя пятна. (Они навсегда останутся), сказалъ Владыка. Такъ это и вышло: 12 разъ отдавала я мыть платье, но пятна всѣ тѣ же. Послѣ того я спросила, что преосвященнѣйшій чувствовалъ, когда выходилъ изъ кувукліи, и очего такъ скоро шелъ! (Я была какъ слѣпой и ничего не видѣлъ), — отвѣчалъ онъ, — «и еслибы не поддержали

«меня упаль бы). Это и примѣтно было: глаза у него будто не глядѣли, хотя и открыты были.

XI.

Архимандритъ Леонидъ (подъ именемъ Инокъ Паломникъ.) Последнее печатное извѣстіе о Святомъ Огнѣ изъ современниковъ принадлежитъ Архим. Леониду (Инокъ Паломникъ) печатавшему св и записки въ Духеполезномъ Чтеніи 1863 г. № 2, 3 и 4.

Приступая къ описанію торжества, бывающаго ежегодно въ Іерусалимѣ въ Великую Субботу, Инокъ Паломникъ предупреждаетъ читатель, что не имѣетъ желанія сказать что либо новое, неизвѣстное другимъ. Объ этомъ, говоритъ онъ, написано столько, что новѣйшему паломнику остается лишь указать, которое изъ мнѣній объ этомъ торжествѣ онъ считаетъ лучшимъ. Итакъ, отдаетъ онъ преимущество сказанію игумена *Даніла* и сравниваетъ сказаніе его съ сказаніемъ *Мелетія*. Отдавая справедливость обоимъ этимъ паломникамъ, достоуважаемый Инокъ Паломникъ не столько уже дорожить другими пѣвствованіями, которые, по его мнѣнію,

увлекаясь сказаніями другихъ, а иногда и видимымъ самими, въ добродушіи даже своимъ, или преувеличиваютъ или даютъ произвольное толкованіе и предположенія. Личное же мнѣніе Инока Паломника (Арх. Леонида) ближе всѣхъ къ сказанію преосвященнаго Мисаила, помѣщенному въ описаніи іер. Мелетія.—Критическій взглядъ на предшествующихъ писателей у Арх. Леонида, носитъ характеръ умѣренности и осторожности, наиболѣе отличающихъ православную церковь въ ея повѣствованіяхъ о чудесахъ. Важнѣйшая услуга его—это собраніе свидѣтельствъ древнихъ о явленіи св. Огня и что «латинцы» нынѣ отвергающіе явленіе «святаго Огня» въ древнее время раздѣляли съ праславными вѣру въ явленіе «святаго Свѣта». Предварительно замѣтимъ, пишетъ онъ, что греческіе писатели, упоминавшіе о семъ явленіи, въ доказательство глубокой древности вѣрованія въ явленіе на святомъ Гробѣ св. Свѣта, прежде всего ссылаются на писанія отцевъ церкви: Григорія Нисскаго и Іоанна Дамаскина, которые, какъ извѣстно и сами были въ Іерусалимѣ: первый изъ нихъ во второмъ словѣ о воскресеніи пишетъ: «сія «видѣвъ, Петръ вѣриды; видѣлъ же не ток-

«мо чувственнымима очима, но и высокимъ «апостольскимъ умомъ: *исполненъ убо бысть гробъ свѣта*, такъ что хотя и ночь была, «однако двѣма образы видѣлъ внутренняя— «чувственно и душевно». Второй же (Іоаннъ Дамаскинъ) въ своихъ церковныхъ пѣсно-пѣніяхъ, нерѣдко упоминаетъ о свѣтѣ, чудесно облиставшемъ на святомъ Гробѣ. Такъ напримѣръ; «Скорый Петръ, предста ко Гро-«бу и свѣтъ зря во Гробѣ, ужасашеся!» (Октоихъ I воскр. сѣд. 8 гласа).

О латинскомъ же невѣріи достопочтен-ный Инскъ Паломникъ говорить, что оно не восходитъ даже ко временамъ ихъ отпаденія тѣтъ церковнаго единства, приводитъ при этомъ бобранныя А. С. Норовымъ свидѣтельства западныхъ историковъ, писавшихъ о непрекаемой древности этого явленія, а именно, что въ IX столѣтіи латинскій монахъ Бернардъ первый говоритъ положительно о святомъ Огнѣ: «Въ Великую Субботу, пи-«шетъ Бернардъ, наканунѣ Пасхи, на утрен-«немъ церковномъ служеніи, во храмѣ Гроба «Господня, по пропѣтіи «Кирие элейсонъ!» (Господи помилуй) Ангель нисходитъ и «возжигаетъ лампы, висящія надъ Гро-«бомъ Господнимъ. Патріархъ предаетъ этотъ

«ОГОНЬ епископу и наконецъ всему народу, (дабы всякій могъ засвѣтить этоъ огонь въ «своемъ домѣ. Нынѣшняго патріарха (863— «879 г.) зовуть Θεодосіемъ; онъ призванъ («на это мѣсто за свое благочестіе.» *) Папа Урбанъ II, на крестовомъ соборѣ. въ Клермонтѣ, въ своей рѣчи къ собранному предъ нимъ безчисленному множеству народа, провозгласилъ, между прочимъ, слѣдующее: «По- «истинѣ, въ этомъ храмѣ (Гроба Господня) «опочиваетъ Богъ; въ этомъ храмѣ Онъ за «насъ умеръ и былъ погребенъ. Доселѣ не «престаетъ Онъ тамъ являть Свои чудеса, «ибо во дни Святыхъ Страстей Своихъ, «когда всѣ огни погашены надъ Гробомъ «Его и во храмѣ, внезапно погашенныя лам- «пады возгораются. Чье сердце, сколько бы «ни было окаменѣлымъ, не смягчится такимъ «явленіемъ.» **)—Лѣтописецъ римско-като- лической церкви Бароній свидѣтельствуешь, что западные христіане, по взятіи Іерусалима отъ Сарацинъ, видѣша чудо, егда въ Великую Субботу у Гроба Господня свѣщи сами

*) MABILLON. Act. Sanct. T. III. P. II. p. 473.

**) BALDRICUS, in Gesta Dei Per Francos p. 87. Также: Quastrum II, 590 разсказъ пресвитера Отмара изъ рукописи найденной Гретсеромъ.

зажигаются. Чудо же сіе быше тамо обыкновенно. (Бароній, листъ 1304 на оборотѣ).

Изъ грековъ о святомъ Огнѣ писалъ патріархъ *Нектарій*. На его свидѣтельство встрѣчается ссылка у Арсенія Суханова въ его *Просклинитаріи* (въ 17-й тетради) въ подтвержденіе того, что въ его бытность въ Іерусалимѣ, святой Огонь былъ изнесенъ изъ св. Гроба патріархомъ Паисіемъ.

Противъ раскольническаго лжеумствованія, будто бы со временъ Никона Патріарха не бываетъ схожденія св. Огня въ Іерусалимѣ, достаточно сказать, что въ уважаемой раскольниками книгѣ о вѣрѣ, напечатанной въ Москвѣ 1648 г. при патріархѣ Іосифѣ, (значить прежде Арсенія и Никона) въ главѣ первой о церкви сіонской показано, — что на всякое лѣто въ Великую Субботу бываетъ видѣнь на Гробѣ Господнемъ Святый Свѣтъ; и также нѣсколько ниже доказывается, что Свѣтъ этотъ на Гробѣ Христовѣ будетъ до скончанія вѣка.

О православныхъ.

Особенно замѣчательно описаніе Фулька, бывшаго капеллана королей Іерусалимскихъ, тотчасъ по завоеваніи ими Палестины, ко-

торый пишетъ, что когда западные поклонники (изъ числа крестоносцевъ) послѣтивши св. градъ прежде взятія Кесаріи, для празднованія въ немъ св. Пасхи пришли въ Іерусалимъ, весь городъ былъ въ смятеніи, потому что святой огонь не являлся и вѣрные цѣлый день оставались въ тщетныхъ ожиданіяхъ въ храмѣ Воскресенія. Духовенство греческое и латинское уже нѣсколько разъ начинало пѣть «Господи помилуй!», нѣсколько разъ начиналъ пѣть и патріархъ (латинскій) надъ св. Гробомъ, небесное пламя не сходило ни на одну изъ св. лампадъ. На другой день, въ самую Пасху, клиръ и народъ собрались опять въ церковь, и опять не являлось св. Огня. Тогда, какъ бы по небесному внушенію, духовенство латинское и король со всѣмъ дворомъ своимъ пошли крестнымъ ходомъ, босыми ногами, въ храмъ Соломоновъ, недавно обращенный ими въ церковь изъ мечети Омаровой: а между тѣмъ Греки и Сиріяне, оставшіеся у св. Гроба, раздирая свои одежды, съ воплями призывали благодать Божию, и тогда, наконецъ, сошелъ св. Огонь; при видѣ его полились обильныя слезы, всѣ возгласили: «Господи помилуй!» и поспѣшили возжечь свѣчи. Небесное пла-

мя внезапно разлилось повсюду, при звукѣ трубъ и пѣніи пралмовъ и рукоплесканіяхъ народа. Общюю радостію оживился весь Іерусалимъ *).

Слава Богу, читатели, что мы христіане, а еще болѣе, что мы православные.

ДОБАВЛЕНІЕ.

1.

Въ Московскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1 апр. 1873 г. № 14 стр. 139 и 140, въ статьѣ Огонь Палестины описываются подвиги бмагочестивой паломницы, мѣшанки Симбирской губ. *Аграфены Θεодоровны Приваловой*, скончавшейся въ 1867 году, что эта благочестивая женщина путешествовавшая въ Іерусалимъ, и оттуда въ фонарикѣ принесла въ созданную ея сборами, церковь Свѣтый Огонь:

---

*) Michaud, Histoire de Croisades. T. 11 Liv. V.

Около шести или семи лѣтъ тому назадъ, описываетъ авторъ статьи. Л., жила въ однѣмъ селѣ Самарской губ., бездѣтная вдова (мѣщанскаго званія) Аграфена Ѳедорова Привалова, нѣкогда достаточнаго состоянія, но по смерти мужа и неудачныхъ обстоятельствъ по его торговлѣ, пришедшая въ бѣдность. Прежде съ мужемъ она жила въ городѣ, а по кончинѣ его перешла въ село, въ которомъ родилась, рассчитывая, что тамъ жить дешевле. Она нашла себѣ у одного крестьянина (родныхъ уней ужъ никого не осталось) за небольшую плату комнатку и совершенно предалась тихой и благочестивой жизни. Все время было посвящено труду и молитвѣ. Она не пропускала ни одной церковной службы и вмѣстѣ съ благовѣстомъ была первою въ церкви. Въ это время въ томъ селѣ, въ которомъ она жила, положили построить новую церковь, потому что настоящая приходила въ ветхость. Усердствующіе были и дѣлали пожертвованія, но все еще много не хватало на сооруженіе храма. У ней пршла мысль посвятить себя благочестивому дѣлу по сбору на строящуюся церковь, и если въ этомъ будетъ помощь Божія и успѣхъ, то совершить дальній путь ко

Гробу Господню въ Палестину, принести св. Огонь на родину, и затеплить имъ лампаду предъ храмовою иконою новопостроенной церкви. Таковъ былъ ея обѣтъ, который занялъ всю ея душу.

Окончивъ, съ Божіею помощію, дѣло построенія храма продолжаетъ Л., она стремится къ выполненію второй половины своего обѣта, поклониться святынѣ Іерусалимской. Пѣшкомъ, испытывая всѣ орудности дальняго пути, она достигаетъ Одессы, а потомъ на пароходѣ отплываетъ къ тѣмъ мѣстамъ, которыхъ посѣщенія такъ давно желала душа ея. Въ Іерусалимѣ пробыла она полгода, все видѣла, все высмотрѣла, была и на Іорданѣ и въ Виѳлеемѣ и у Саввы обсвященнаго. Запаслась для своихъ жертвователей и лицъ ей близкихъ четками, образками, Іорданскою водою и главное — священнымъ огнемъ отъ лампы Грѣба Господня.

Желаніе усердной богомолки исполнилось, далѣе говоритъ описыватель, палестинскій огонь доведенъ ею благополучно въ фонарикъ величиной и фигурой въ большой огурецъ, изъ жести, вмѣсто стеколъ слюда, издѣлія іерусалимскаго, и она имѣла невыразимую радость въ новопостроенно церкви, въ ко-

торой она принимала такое дѣятельное участіе, своею трепетною рукою затеплить отъ него лампаду предъ храмовою иконою Пресвятой Дѣвы.

Такъ протекло три года... Пбилъ и ея послѣдній часъ, а лампадка со святымъ Огнемъ не угасала и ярко горитъ въ храмъ Божиѣмъ.

2.

Не менѣе чудно другое явленіе, которое, какъ гласитъ преданіе, совершилось въ три послѣдніемдня стратной седмицы въ древнемъ Никеѣ городѣ, исполненномъ христіанскихъ воспоминаній. Въ единственной тамошней церкви, современной равноапостольному Константину, всѣ стѣны и столпы въ эти дни покрывались влажностію въ видѣ капель пота, какъ будто въ самомъ мраморѣ было сочувствіе всемірному событію страстей Господнихъ. (Письма съ Вотока ч. I, ст. 100).